

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.05.01. Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной
деятельности в цифровой экономике

Обучающийся

А.М. Тагирова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. пед. наук, доцент, О.А. Воробьева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

В выпускной квалификационной работе рассмотрено и проанализировано правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в связи со стремительной цифровизацией экономической сферы, право не успевает законодательно закрепить и должным образом регулировать как данный процесс, так и возникающие правоотношения. В этой связи необходимо осуществить системное изучение возникающих явлений, рассмотреть с точки зрения возможности распространения в их отношении правовых режимов объектов гражданских прав.

Основная проблема, поднимаемая в выпускной квалификационной работе, является изучение влияния развивающейся цифровой экономики на правовую систему Российской Федерации.

Объект исследования являются общественные отношения, связанные с оборотом прав на результаты интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики, подлежащие регулированию в рамках гражданского и предпринимательского права.

Целью данной работы является оценка готовности современного отечественного законодательства, регулирующего оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности, к адаптации под требования цифровой экономики.

В исследовании предпринята попытка описания значимых изменений, которые происходят в экономике при переходе в новую реальность, раскрываются проблемы, связанные с правовым регулированием оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике и предложены пути их решения.

Работа содержит 78 страниц. Для написания работы использованы 54 источника.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общеправовые основы регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности.....	8
1.1 Понятие и характеристика объектов интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности	8
1.2 Источники правового регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности.....	26
Глава 2 Изменение концепции объектов гражданских прав в области интеллектуальной деятельности под воздействием цифровой экономики	32
2.1 Новые объекты гражданских прав в сфере интеллектуальной деятельности.....	32
2.2 Трансформация права собственности на объекты гражданских прав в области интеллектуальной деятельности под воздействием цифровой экономики	42
Глава 3 Особенности оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике	52
3.1 Особенности и проблемы регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности и их носители в цифровую эпоху.....	52
3.2 Особенности оформления сделок по переходу прав на объекты интеллектуальной деятельности с использованием цифровых средств..	60
Заключение	68
Список используемой литературы и используемых источников.....	72

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что право представляет из себя систему обязательного нормативного регулирования общественных отношений, поведения граждан и деятельности организаций. В связи со стремительной цифровизацией экономической сферы жизни общества, которая отражает новый характер и язык взаимоотношения между человеческими личностями, организациями и государством, право не успевает законодательно закрепить и должным образом регулировать данный процесс. Это влечет за собой необходимость строгого регулирования на федеральном уровне цифровой экономики. В связи с этими изменениями, считается необходимым осуществить системное изучение возникающих явлений, рассмотреть с точки зрения возможности распространения в их отношении правовых режимов объектов гражданских прав.

Целью данной работы является оценка готовности современного отечественного законодательства, регулирующего оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности, к адаптации под требования цифровой экономики.

Для достижения поставленной в выпускной квалификационной работе цели решались следующие задачи:

- проанализировать общеправовые основы регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности;
- раскрыть понятие и характеристику объектов интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности;
- изучить источники правового регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности;
- проанализировать изменение концепции объектов гражданских прав в области интеллектуальной деятельности под воздействием цифровой экономики;

- исследовать особенности оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике;
- изучить и раскрыть понятия, которыми могут обозначаться явления, которые возникают на данном этапе, а также предложить правовые режимы, применимые к таким новым объектам.

Основная проблема, поднимаемая в выпускной квалификационной работе, является изучение влияния развивающейся цифровой экономики на правовую систему Российской Федерации.

Объект исследования являются общественные отношения, связанные с оборотом прав на результаты интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики, подлежащие регулированию в рамках гражданского и предпринимательского права.

Предметом исследования являются нормы законодательства о правовом регулировании оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в рамках отношений, составляющих объект исследования.

Теоретическая основа исследования включает в себя труды отечественных и зарубежных правоведов, таких как О.О. Афанасьева, Ю.В. Виниченко, В.Д. Бабелюк, С.В. Воронцова, Э.П. Гаврилов, Е.И. Елсукова, А.Ю. Копылов, М.М. Магомедова, Е.А. Моргунова, Н.Е. Сосипатрова, С.Л. Табуев, Н.А. Транченков, И.З. Аюшеева, А.С. Ворожевич, А.В. Лисанченко, А.С. Лузгин, Н.Г. Тандилашвили, А.О. Иншакова, А.Ю. Чурилов, Р.У. Аминов, А.А. Юлбердин, П.П. Баттахов, Л.Ю. Василевская, Н.В. Гаразовская, М.В. Карпычев, А.А. Карцхия, Д.В. Кожемякин, В.В. Кресс, Е.А. Лановая и другие.

Нормативно-правовая база исследования состоит из Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, а также федерального законодательства и подзаконных актов, регламентирующих вопросы правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности и цифровой экономики.

Методология и методы исследования включают в себя формально-юридический, сравнительно-правовой, метод аналогий, а также метод определения понятий.

Степень разработанности темы. Процесс цифровизации представляет из себя одно из перспективных направлений развития как общества, так и государства, что вызывает заинтересованность у исследователей. Однако на данный момент комплексных исследований правового регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике не произведено. Учеными-правоведами рассматривались лишь отдельные сферы, касающиеся цифровизации, в частности, вопросы правовых режимов отдельных цифровых объектов, цифровых данных, авторских прав в сети Интернет, изменений процессуальных действий в связи с внедрением цифровых технологий, систем информационной безопасности, а также вопросы внедрения цифровой экономики и развития законодательства в сфере цифровизации в целом.

Научная новизна исследования заключается в анализе особенностей оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в развивающейся цифровой экономике. Рассматриваются правомочия владения, пользования и распоряжения объектами гражданских прав в условиях цифровизации предпринимательского оборота и предлагается введение нового подхода к данным понятиям. Рассмотрен правовой режим для таких объектов. В выпускной квалификационной работе также содержатся новые теоретические положения в сфере оборота прав на РИД, что, в совокупности, делает исследование уникальным и оригинальным.

Теоретическое значение заключается в разработке понятийного аппарата для цифровых объектов и предложении нового правового режима, который может быть применен к ним. Кроме того, в работе устанавливаются основные положения нового типа субъективных прав, которые могут повлечь пересмотр правовых положений правообладателей, аналогично владению материальными объектами. Поднимается вопрос разработки механизма

защиты, особенно в случаях незаконного завладения виртуальными объектами. Однако, существует проблема, связанная с пониманием различий между цифровыми правами, цифровыми объектами и правами на нематериальные объекты. Необходимо разобраться в использовании и исключительных прав, связанных с этими объектами. Одним из основных вопросов, рассмотренных в данной работе, является их взаимосвязь и разграничение.

Практическая значимость состоит в том, что выводы, сделанные в данной работе, могут быть учтены при реформировании в области правового регулирования интеллектуальной собственности и цифровой экономики. Кроме того, важным значением для оборота прав в условиях цифровизации являются предложения о формировании права доступа в качестве субъективного права и внедрении новых инструментов правовой защиты, таких как иск о восстановлении доступа. Указанные варианты решения проблем вместе с распространением и использованием системы регистрации интеллектуальной собственности будет иметь положительное воздействие на стабильность цифровой экономики. Эти предложения помогут улучшить оборот и поддержать устойчивость в современных условиях.

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, объединивших в себе шесть параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общеправовые основы регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности

1.1 Понятие и характеристика объектов интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности

Согласно действующему законодательству Российской Федерации существует конкретный список объектов гражданских прав, которые относятся к интеллектуальной собственности и, соответственно, получают правовую охрану. Их принято делить на две категории, такие как результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Однако, несмотря на то, что данный перечень объектов гражданских прав, закрепленный в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ, является закрытым, он периодически пополняется и уточняется для того, чтоб соответствовать общемировым тенденциям развития права интеллектуальной собственности.

«Всемирная организация интеллектуальной собственности дает следующий перечень объектов интеллектуальной собственности:

- литературные, художественные произведения и научные труды;
- исполнительскую деятельность артистов, фонограммы и радиопередачи, которые охраняются нормами смежного авторского права;
- изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, коммерческие наименования и обозначения» [11].

Понимание объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации и других странах немного различается. В нашем государстве данный вопрос регулируется Гражданским кодексом, а именно, частью 4, Разделом VII, который посвящен правам на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Там выделяются две основные

категории объектов, в частности, результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Согласно ст. 1225 ГК РФ интеллектуальная собственность представляет собой результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, находящиеся под законной охраной. Иными словами, «интеллектуальная собственность – это совокупность нематериальных объектов, представляющих собой результаты интеллектуальной деятельности, которым предоставлена правовая охрана в соответствии с положениями четвертой части ГК РФ» [28].

Одной из ключевых черт интеллектуальной собственности является ее нематериальный характер. Закон оказывает правовую защиту не физическим носителям, а содержанию и выражению этих объектов. Поэтому охрана сосредоточена на интеллектуальном содержании, независимо от его материальной формы.

Несмотря на то, что сейчас идет активная цифровизация всех сфер жизни общества и государства, внедряются новые технологий, результатами интеллектуальной деятельности или средствами индивидуализации признаются далеко не все объекты. В качестве примера можно привести доменные имена, появившиеся еще в марте 1985 года. Они способны индивидуализировать веб-сайт, но при этом не получили правовую охрану в качестве объекта интеллектуальной собственности. Другим примером являются научные открытия, которые также, согласно действующему законодательству, не признаются объектом интеллектуальной собственности, несмотря на их интеллектуальную природу. Кроме названных примеров, также не защищаются названия средств массовой информации и наименования некоммерческих организаций. «Права на них подлежат защите на основании общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о способах защиты гражданских прав» [39].

Гражданским законодательством России, в частности, статьей 1225 Гражданского кодекса РФ, установлен закрытый перечень признаваемых и

защищаемых объектов ИС на территории России. Если результат интеллектуальной деятельности не соответствует перечисленным в норме законодательства объектам, он не может быть юридически защищен в рамках права интеллектуальной собственности.

Согласно ст. 1225 ГК РФ «результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются:

- произведения науки, литературы и искусства;
- программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ);
- базы данных;
- исполнения;
- фонограммы;
- сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания);
- изобретения;
- полезные модели;
- промышленные образцы;
- селекционные достижения;
- топологии интегральных микросхем;
- секреты производства (ноу-хау);
- фирменные наименования;
- товарные знаки и знаки обслуживания;
- географические указания;
- наименования мест происхождения товаров;
- коммерческие обозначения» [17].

«Объекты авторского права включают также производные произведения, представляющие собой переработку другого произведения:

переводы, обработки, экранизации и тому подобное. В этом перечне составные произведения, представляющие собой по подбору или расположению материала результат творческого труда, как то: энциклопедии, сборники, базы данных» [19].

Перечисленные объекты интеллектуальной собственности делят на группы в зависимости от режима их правовой охраны. В первую группу входят объекты авторского права и смежных прав, к ним относятся произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем, исполнения, фонограммы, сообщения радио- или телепередач.

В зависимости от правовой охраны во вторую группу юридическое сообщество выделяет объекты патентного права, в которую входят изобретения, полезные модели и промышленные образцы. В следующую группу входят средства индивидуализации, это товарные знаки и знаки обслуживания, фирменные наименования, коммерческие обозначения, наименования мест происхождения товара. Отдельно также выделяются ноу-хау, то есть неохранные объекты ИС и селекционные достижения, под которыми понимаются патентоспособные объекты интеллектуальной собственности, которые находятся в ведении министерства сельского хозяйства РФ.

Рассмотрим более подробно объекты интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

В качестве первого объекта РИД в ст. 1225 ГК РФ произведения науки, литературы и искусства. Отметим сразу, что отечественное законодательство не дает трактовку термину «произведение», что порождает неопределенность при определении объектов, на которые распространяются авторские права. При этом, законодатель отмечает, что такой объект объединяет в себе различные элементы произведений, подробная информация о чем представлена в статье 1259 Гражданского кодекса. Указанный в данной статье перечень не является исчерпывающим, а все перечисленные составляющие

объединяются общим понятием «произведения науки, литературы и искусства». Справедливыми, на наш взгляд, являются слова Копыловой А.Ю., в своем труде она отмечает, что в Гражданском кодексе имеется лишь: «указание на творческий характер продуктивной деятельности, в результате которой и создается произведение, употребив при этом довольно размытую формулировку «творческий труд»» [27].

Судебная практика имеет комплексный подход к определению сущности произведения, так ВС РФ отмечает, что охраняемым произведением «является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом» [39].

Статья 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации признает произведения науки, литературы и искусства объектами авторских прав, независимо от их достоинств, назначения и способа выражения. Рожкова М.А. в своей работе отмечает, что «произведение литературы получит правовую охрану в качестве объекта авторских прав независимо от его реальной литературной ценности, стиля, предназначения и проч. Широко распространено мнение, согласно которому предметом правовой охраны в авторском праве является форма (способ) выражения произведения (например, любовь к матери можно выразить в форме стихотворения, скульптуры, фотографии или музыкального произведения), а предметом правовой охраны в патентном праве - содержание (сущность) технического и иного решения» [1]. Для литературно-художественных работ защита распространяется на сочетание содержания и формы, выражающих данное произведение.

Согласно п. 3 ст. 1259 ГК РФ: «авторские права распространяются как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной

форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме» [17]. В других словах, авторские права присваиваются произведениям, которые доступны для всеобщего ознакомления. Это означает, что они могут быть опубликованными или неопубликованными, и они могут существовать в материальной или объективированной форме. Например, творения могут быть выражены в письменной форме, такой как рукопись или нотная запись. Также авторские права присваиваются творениям в устной форме, таким как исполнение или звукозапись, например. Кроме того, авторские права распространяются на произведения, выраженные в объемно-пространственной форме, такие как скульптура или картина.

Важно отметить, что не все произведения признаются объектами авторских прав, правовыми нормами установлены исключения. Так, согласно ст. 1259 ГК РФ, не являются объектами авторских прав официальные документы, а также их официальные переводы, государственные символы и знаки, например, флаги, гербы и ордена, а также символы и знаки муниципальных образований, произведения народного творчества и сообщения о событиях и фактах, которые имеют исключительно информационный характер.

В качестве следующего объекта интеллектуальной собственности ГК РФ выделяет программы для электронных вычислительных машин. Согласно ст. 1261 ГК РФ: «Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения» [17].

Программы для ЭВМ защищаются согласно международным и национальным правовым стандартам, таким как Бернская Конвенция, Договор ВОИС по авторскому праву и ТРИПС и ГК РФ. Подобный режим является

широко распространенным и основным, он устанавливает два ключевых критерия для авторской защиты программ для ЭВМ, которыми являются творческий характер и наличие объективной формы, которая доступна для восприятия человеком, о чем говорится в п. 3 и 7 ст. 1259 ГК РФ.

В соответствии со статьей 1261 ГК РФ, программы для ЭВМ считаются объектами авторских прав и охраняются также, как и литературные произведения. «Компьютерная программа является «нетрадиционным» объектом авторского права. Особенность заключается в ее прикладном, техническом характере. Творческое начало сказки или повести самым очевидным образом обнаруживается в их содержании, а программного кода – нет» [33].

Процесс написания программы обусловлен прагматичными соображениями программиста, так как основная цель программы – эффективная реализация функций. Программы, в отличие от других произведений, прежде всего предназначены для передачи команды устройству, а не для передачи информации людям, что делает их уникальными в контексте авторского права.

Справедливой представляется позиция Чурилова А. Ю. Он указывает, что «функциональные элементы программного кода представляют собой слияние идеи и ее выражения» [53]. Анализируя его слова, можно понять, что не подлежит защите нормами авторского права случаи, когда при решении конкретной задачи существует единственный способ написания определенного участка программного кода, в этом случае теряется творческий характер выражения авторской идеи. Любая иная точка зрения представляется неуместной, так как возникновение подобной ситуации означает возможность установления монополии на идеи.

Касаемо компьютерных программ, то законодатель в ст. 1261 ГК РФ закрепляет авторские права на все их виды, учитывая особенности данных объектов. В упомянутой выше статье также не обошли стороной и учли формы выражения программ для ЭВМ. Законодателем выделяются подготовительные

материалы, аудиовизуальные представления программы, исходный текст и объектный код. При этом, необходимо отметить, что данный перечень исчерпывающим не является. Например, исходный код из себя представляет программу в текстовой форме, которая доступна для восприятия человеком. Такие нюансы подчеркивают разнообразие аспектов программных продуктов, что подтверждается результатами исследований и анализов в области законодательства и авторских прав.

Объектный код возникает в результате преобразования исходного кода компилятором. Различные компиляторы могут создавать разные объектные коды, но это не влияет на правовую идентичность программы. Объектный код, представленный в виде единиц и нулей, понятен только процессору компьютера. Несмотря на отсутствие творческого начала, объектный код рассматривается как объект авторского права, аналогично звуковой записи музыкального произведения.

Подготовительные материалы – это данные, созданные автором для разработки программы. Они служат средством понимания программы и могут быть использованы программистом для воссоздания программы. Защита подготовительных материалов авторским правом обоснована, несмотря на то, что они не предназначены для прямого использования компьютером. Выделение подготовительных материалов как отдельного объекта правовой охраны подчеркивает их отличие от части программы для ЭВМ.

А.П. Лосева в своей работе указала, что «аудиовизуальные отображения, генерируемые программой, представляют собой некоторую последовательность звуков, изображений, выводимых на экран пользователя, которые сопровождают организационную структуру компьютерной программы» [33].

Программное обеспечение для компьютеров представляет собой самостоятельный и важный вид продукции, возникающий как результат интеллектуальной творческой деятельности, требующей сложного оборудования. Этот процесс придает программам статус уникальных и ценных

объектов, что подтверждается результатами исследований и анализов в сфере правовой защиты.

Базы данных – следующий объект, закрепленный в статье 1225 Гражданского кодекса РФ. «Будучи объектом авторских прав, база данных должна обладать творческим характером, который выражается в подборе и расположении включенных в нее материалов, и объективной формой, то есть такой, которая делает произведение доступным для восприятия. В этом качестве база данных относится к составным произведениям (п. 2 ст. 1260 ГК РФ)» [36]. База данных приобретает статус объекта смежных прав при необходимости значительных затрат, включая финансовые, материальные, организационные или иные, о чем говорится в п. 1 ст. 1334 ГК РФ. Закреплен количественный критерий – не менее 10 000 самостоятельных информационных элементов в ее содержании, что закреплено абз. 1 п. 1 ст. 1334 ГК РФ. Этот критерий создает презумпцию существенности затрат, поддается опровержению доказательствами незначительности инвестиций, даже при превышении 10 000 информационных элементов.

Создание таких баз часто требует значительных вложений, следовательно, права лица, понесшего затраты, должны быть защищены. В случае отсутствия творческого характера, объекту не предоставляется авторско-правовая охрана. В таких ситуациях база данных, не соответствующая требованиям авторского права, но созданная существенными затратами, получает защиту согласно институту смежных прав.

Классификация базы данных как объекта авторских или смежных прав воздействует на режим использования. Авторско-правовая охрана в первую очередь применяется к форме, а не содержанию произведения. Это означает, что охране подлежит систематизация собранного материала, которая была произведена с использованием творческого труда. При этом, использование содержания базы данных без согласия ее составителя не ограничивается, если соблюдаются авторские права на объекты, которые включены в такую базу.

Если база данных признается объектом смежных прав, охрана распространяется на ее содержание. В соответствии с ГК РФ, база данных защищается от несанкционированного извлечения и повторного использования ее материалов, что закреплено в пп. 4 п. 1 ст. 1304 ГК РФ. При этом, под извлечением материалов понимается передача существенной части содержания базы данных или всего на иной носитель информации в любой форме с использованием технических средств.

Следующим, закрепленным в Гражданском кодексе РФ, объектом является исполнение. «К исполнениям согласно подпункту 1 пункта 1 статьи 1304 ГК РФ относятся исполнения артистов-исполнителей и дирижеров, если они выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помощью технических средств, а также постановки режиссеров-постановщиков спектаклей, если эти постановки выражаются в форме, позволяющей осуществить их повторное публичное исполнение при сохранении узнаваемости конкретной постановки зрителями, а также в форме, допускающей воспроизведение и распространение с помощью технических средств» [36].

Международные нормы дополняют перечень исполнителей. «Так, в частности, Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 1961 г.) и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (1996 г.) относят к категории исполнителей актеров, певцов, музыкантов, танцоров или других лиц, которые играют роль, поют, читают, декламируют, играют на музыкальном инструменте, интерпретируют, исполняют или каким-либо иным образом участвуют в исполнении литературных или художественных произведений, либо выражений фольклора» [35]. Возникновение такого объекта смежных прав, как исполнение происходит лишь в случае завершения процесса исполнения, обязательным условием чего является его форма выражения, допускающая распространение исполнения техническими средствами, а также воспроизведение.

Также ГК РФ закрепляет в качестве одного из объектов интеллектуальной собственности фонограммы, «то есть любые исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение» [17]. Законодательство РФ и зарубежных стран сходятся в определении фонограммы. В общих словах она представляет из себя звуковую запись без использования визуальных элементов, то есть запись, которая была включена в кинематографическое или иное аудиовизуальное произведение, не признается фонограммой.

Другим важным объектом является сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач, он охватывает деятельность организаций, занимающихся эфирным или кабельным вещанием. Наиболее подходящими примерами для понимания данного объекта интеллектуальной собственности является интерпретация таких категорий, как эфирное вещание, телевещание и передача программы.

Необходимо отметить, что субъектом прав на данный объект гражданских прав не может быть физическое лицо, им признается только юридическое лицо, а именно организация эфирного и кабельного вещания, которая самостоятельно определяет содержание радиопередач, телепередач, а также самостоятельно осуществляет их сообщение в эфир или по кабелю, либо своими силами, либо с помощью третьих лиц, что закреплено в ст. 1329 Гражданского кодекса РФ.

Сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач является единственным РИД, в отношении которого законом не предусмотрено наличие иных интеллектуальных прав, кроме как исключительных. «Исключительное право на сообщение радио- или телепередачи действует в течение пятидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом, в котором имело место сообщение радио- или телепередачи в эфир или по кабелю. Исключительное право на сообщение радио- или телепередачи действует на территории Российской Федерации, если

организация эфирного или кабельного вещания имеет место нахождения на территории Российской Федерации и осуществляет сообщение с помощью передатчиков, расположенных на территории Российской Федерации, а также в иных случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации (ст. 1332 ГК РФ)» [23].

В этом контексте, ключевым элементом правовой охраны является процесс вещания, включающий передачу сигнала через различные беспроводные средства, будь то наземное или спутниковое вещание. Такой процесс нацелен на прямую доставку сигналов публике или предоставление обществу звуков, изображений или их сочетаний.

Обратимся к изобретению – следующему объекту интеллектуальной собственности. Для того чтобы изобретение было признано результатом интеллектуальной деятельности, оно должно соответствовать определенным критериям, а именно под новизну, изобретательский уровень и промышленную применимость. То есть охрану получает лишь инновационное техническое решение, которое способно решать конкретные задачи в различных сферах жизни человека, общества и государства.

В Гражданском кодексе Российской Федерации, в частности в ст. 1350, изобретение определено как «техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению» [16]. Оно может представлять из себя как конечный результат технической работы, так и сам ее процесс.

Таким образом, данное техническое решение, относящееся к способу воздействия на материальные объекты, имеет практическое воздействия на физический мир. Следует отметить, что подобная интерпретация изобретения также подтверждается законодательством различных стран, включая Белоруссию, Индию, Швейцарию и другие.

С принятием Патентного закона в 1992 году понятие полезной модели было признано объектом промышленной собственности, наравне с изобретением и промышленным образцом. Согласно ч. 1 ст. 1351 ГК РФ полезная модель представляет собой техническое решение, связанное с устройством. Она относится к конструктивному выполнению средств производства, предметов потребления и их составных частей. В отличие от изобретений, полезные модели не могут охранять способы, вещества, штаммы микроорганизмов. В некоторых странах, таких как Франция и Австралия, понятия «изобретение» и «полезная модель» считаются эквивалентными и включаются в общий перечень объектов, однако, при этом требования к патентоспособности полезной модели являются менее строгими.

Полезные модели, которые иногда называют «малыми изобретениями», представляют из себя упрощенные формы изобретений, защищаемых согласно Гражданскому кодексу РФ. Они касаются технических решений, которые относятся к устройствам, в отличие от методов или веществ.

Законодательные требования к полезной модели менее строгие по сравнению с изобретением. При патентовании полезной модели необходимо удовлетворить только двум условиям: новизне и промышленной применимости. Изобретательский уровень не учитывается при рассмотрении полезной модели, поскольку с точки зрения законодателя она является менее творческим результатом, чем создание изобретений.

В соответствии с п. 2 ст. 1351 ГК РФ полезная модель признается новой, если совокупность ее существенных признаков неизвестна из уровня техники. «Новизна полезной модели несколько отличается от новизны изобретения. Она устанавливается по совокупности существенных признаков, в том числе определяющих назначение полезной модели. При этом во внимание принимаются только те признаки, которые влияют на технический результат. Такой подход к определению новизны полезной модели "призван частично компенсировать отсутствие для полезных моделей условия патентоспособности «изобретательский уровень», отвечающего за творческий

характер решения. В этом случае, если полезная модель будет создана путем формального, не обусловленного решением какой-либо технической задачи, добавления к известному решению новых признаков, это не обеспечит патентоспособность полезной модели» [37].

В качестве одного из закрепленных в ст. 1225 ГК РФ является промышленные образцы. Они находятся под защитой в России с 1864 года и представляют новые и оригинальные решения внешнего вида изделий промышленного или кустарно-ремесленного производства. Включают они в себя как конфигурацию, цвета и орнамент, так и другие характеристики. Особенностью рассматриваемого объекта является их правовое регулирование как нормами патентного, так и авторского права.

Гражданский кодекс РФ в п. 5 ст. 1352 закрепляет, что в качестве промышленного образца не могут быть признаны решения, которые обусловлены только технической функцией изделия, например, гайка. «Не предоставляется также правовая охрана в качестве промышленных образцов решениям, которые способны ввести в заблуждение потребителя изделия, в том числе в отношении производителя изделия, или места его производства, или товара, для которого изделие служит тарой, упаковкой, этикеткой. Способны ввести в заблуждение потребителя, в частности, решения, касающиеся объектов, указанных в п. 4-10 ст. 1483 ГК РФ, либо производящие такое же, как и эти объекты, общее впечатление» [37].

Такой объект правовой охраны, как селекционные достижения может быть использован в хозяйственной деятельности и приносить создателям и патентообладателям доход. «На сегодняшний день в теории гражданского права под селекционным достижением следует понимать такой объект интеллектуальных прав, который может быть использован в той или иной хозяйственной деятельности и приносить доход его создателям и патентообладателям» [4]. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) четко определяет селекционные достижения как сорта растений и породы животных, зарегистрированные в Государственном реестре охраняемых

селекционных достижений и соответствующие установленным законом требованиям, о чем говорится в ст. 1412 ГК РФ.

Действующее гражданское законодательство также регулирует топологии интегральных микросхем, определяя их как «пространственно-геометрическое расположение совокупности элементов интегральной микросхемы и связей между ними» [17]. Отмечается, что интегральная микросхема представляет собой микроэлектронное изделие, предназначенное для выполнения функций электронной схемы, где элементы и связи формируются нераздельно в объеме или на поверхности материала, на основе которого изготовлено изделие.

«Ключевым критерием предоставления охраны топологии является оригинальное (творческое и неизвестное) пространственно-геометрическое расположение совокупности элементов, образующих интегральную микросхему. Гражданский Кодекс также закрепил, что элементы, образующие интегральную микросхему, могут быть известны специалистам, однако ей предоставляется охрана, если пространственно-геометрическое расположение совокупности таких элементов и связей между ними в целом отвечает требованию оригинальности» [52]. Хотя эта оговорка законодательно обязательна для применения данной статьи, она может быть рассмотрена как излишняя, поскольку специалистам в любом случае должны быть знакомы типовые элементы электронных схем: эти элементы являются неотъемлемыми для создания микросхемы.

Статус топологий интегральных микросхем в контексте авторских, смежных или патентных прав остается неопределенным. Российское законодательство обособляет этот объект от остальных, и такой же принцип прослеживается в международном законодательстве на уровнях универсального и регионального, например, в Европейском союзе и Содружестве Независимых Государств.

Ноу-хау, являясь одним из РИД, имеет свои особенности. Во многих странах ноу-хау рассматривается как форма интеллектуальной собственности

и включает в себя секреты производства, торговли и промысла. При этом российское гражданское законодательство ноу-хау определяет как информацию любого характера, которая касается результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической области и методов профессиональной деятельности. Такая информация имеет коммерческую ценность из-за своей неизвестности для третьих лиц. «В п. 1 ст. 1465 ГК РФ установлено, что сведения признаются секретом производства, если они являются конфиденциальными, неизвестны третьим лицам. Единого нормативного определения понятия «конфиденциальная информация» действующее законодательство не содержит» [50].

Ноу-хау регулируется комплексным правовым режимом, включая нормы гражданского, информационного, конкурентного и уголовного права. Несмотря на это, есть критика отдельных экспертов, считающих, что секреты производства не должны входить в сферу интеллектуальной собственности. Различные точки зрения представлены в работах Э.П. Гаврилова, В.И. Еременко и И.А. Зенина, где высказывается позиция, что необходимо скорректировать гражданское законодательство для более ясного регулирования ноу-хау как отдельного объекта интеллектуальной собственности, о чем также говорится в трудах В.А. Дозорцева.

В Гражданском кодексе Российской Федерации к объектам исключительного права на средства индивидуализации относится фирменное наименование юридического лица. В основном его используют с целью индивидуализации имущественных комплексов, на основе которых различные юридические лица осуществляют свою деятельность, выделяясь среди целого ряда участников рынка. Вместе с этим фирменное наименование может быть включено в название организации как его составная часть.

«Фирменное наименование представляет собой название организации, выступающее в качестве средства индивидуализации коммерческих юридических лиц. Представленное средство индивидуализации существует у каждого коммерческого юридического лица, что делает его различным от всех

прочих» [47]. Заметим, что некоммерческие организации и ИП не обладают исключительным правом на фирменное наименование. Согласно положениям Гражданского кодекса РФ, коммерческие юридические лица обязаны использовать свое фирменное наименование в гражданском обороте. Это наименование должно быть определено в учредительных документах юридического лица и включено в единый государственный реестр юридических лиц, о чем сказано в ст. 1473 ГК РФ.

Четырнадцатым в списке объектом, закрепленным в ст. 1225 ГК РФ, являются товарные знаки и знаки обслуживания. «В настоящее время товарный знак рассматривается как обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. К товарным знакам приравниваются знаки обслуживания, т.е. обозначения, служащие для индивидуализации выполняемых юридическими лицами либо индивидуальными предпринимателями работ или оказываемых ими услуг (ст. 1477 ГК РФ)» [47]. Эти знаки используются для идентификации продукции и услуг, а не для идентификации участников гражданского оборота. Они могут включать в себя различные элементы, такие как слова, изображения, объемные обозначения, цвета, формы товаров и звуки.

Гражданским кодексом Российской Федерации утверждено использование наименований мест происхождения товаров в качестве объектов интеллектуальной собственности. Международные нормы, в том числе Лиссабонское соглашение, определяют место происхождения товара как географическое наименование, подчеркивая, что это наименование связано с страной, районом или местностью, влияющими на качество товара.

Законодательство нашей страны определяет наименование места происхождения товаров включает географические обозначения, в том числе и официальные, и неофициальные названия. Это включает в себя полные или сокращенные наименования страны, города, поселения или других географических объектов. При этом наименование должно стать известным в результате его использования в отношении товара, свойства которого

определяются характерными природными и социокультурными условиями этого места. Место происхождения товара, кроме основной роли индивидуализации товаров, также обеспечивает юридическую защиту нематериального культурного наследия. Это касается традиций художественных ремесел и промыслов в определенном географическом регионе.

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, коммерческое обозначение, закрепленное в статье 1225, является объектом интеллектуальных прав. Оно представляет собой средство индивидуализации предприятия, входящее в его имущественный комплекс и используемое в деятельности предпринимателей и бизнесменов.

Известность коммерческого обозначения на определенной территории является одной из важных характеристик и существенной составляющей его понятия. Однако существует проблема, законодательством не установлены критерии для определения известности коммерческого обозначения.

Согласно п. 1 ст. 1539 ГК РФ правообладателю принадлежит «исключительное право использования коммерческого обозначения в качестве средства индивидуализации принадлежащего ему предприятия любым не противоречащим закону способом (исключительное право на коммерческое обозначение), в том числе путем указания коммерческого обозначения на вывесках, бланках, в счетах и на иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети «Интернет», если такое обозначение обладает достаточными различительными признаками и его употребление правообладателем для индивидуализации своего предприятия является известным в пределах определенной территории» [51].

Если обозначение имеет уникальные характеристики и его использование для идентификации предприятия широко известно на определенной территории, оно признается коммерческим и получает охрану.

Международное законодательство регулирует коммерческое обозначение по-разному. Например, в США и Великобритании оно

рассматривается как средство индивидуализации всей предпринимательской деятельности лица, что, в некоторой степени, аналогично фирменному наименованию. В Германии подход к этим терминам аналогичен российскому законодательству.

Международное право имеет различные подходы к регулированию коммерческого обозначения. В США и Великобритании, к примеру, оно рассматривается как средство индивидуализации всей предпринимательской деятельности лица, что аналогично в каком-то роде с использованием фирменного наименования. В Германии же подход к этим терминам схож с российским законодательством. То есть каждая страна имеет свои особенности в отношении регулирования коммерческих обозначений.

В заключение, можно сказать, что в российском законодательстве существует ограниченный перечень охраняемых результатов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации. Те объекты, которые не включены в этот список, не могут полагаться на защиту и охрану в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности. В других словах, для получения правовой защиты и охраны, объекты должны быть явно перечислены в законодательстве.

1.2 Источники правового регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности

Законодательство Российской Федерации в сфере защиты интеллектуальной собственности включает Конституцию РФ (ст. 44), международные соглашения, федеральные законы и нормативные акты. Гражданско-правовая защита интеллектуальной собственности регулируется частью 4 Гражданского кодекса РФ, вступившей в силу с 1 января 2008 года, на основе Федерального закона от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ».

Основными международными источниками права в области интеллектуальной собственности являются:

- Конвенция об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности 1967 г.;
- Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г.;
- Всемирная (Женевская) конвенция об авторских правах 1952 г.;
- Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Заключены в г. Риме 26.10.1961);
- Парижская Конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.;
- Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994);
- Договор ВОИС по авторскому праву (Вместе с «Согласованными заявлениями в отношении Договора ВОИС по авторскому праву») (Подписан 20.12.1996);
- Мадридское соглашение о международной регистрации знаков 1891 г.;
- Договор о законах по товарным знакам 2006 г.;
- Соглашение о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков 1957 г. и другие.

Следует отметить, что 23 апреля 2019 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». В этом документе обобщены результаты судебной практики в области интеллектуальной собственности за последние годы. Утвержденная судебная практика, представленная в постановлении, имеет практическое значение, разъясняя

важные аспекты применения законодательства об интеллектуальной собственности. Это выражение точек зрения высших судебных органов дает понимание существенных аспектов в данной области, подкрепленных анализами и исследованиями.

Нормы Конституции РФ, в частности, статья 44, обеспечивают правовое регулирование интеллектуальной деятельности, гарантируя свободу творчества и защиту интеллектуальной собственности: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом» [26]. Международные соглашения и федеральные законы также служат средствами защиты.

Гражданский кодекс РФ, особенно его четвертая часть, играет ключевую роль в правовом регулировании отношений, которые непосредственно связаны с интеллектуальной деятельностью. Стало намного проще применять правовые нормы в данной области после принятия и вступления в силу Федерального закона «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» № 231-ФЗ от 18 декабря 2006 года, последствиями чего стала отмена шести федеральных законов, принятых в 1992–1993 гг., регулирующих сферу интеллектуальной собственности.

Принятие отдельной части Гражданского кодекса, а именно вступление в силу четвертой части, способствовало унификации законодательства в области интеллектуальной собственности. Это придало особое значение правам на результаты интеллектуальной деятельности, рассматривая их как исключительные права, которые распространяются и на нематериальные объекты. Глава 69 Гражданского кодекса содержит множество норм, которые являются общими для специальных норм, регулирующих различные виды результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. «В-третьих, появление части четвертой ГК РФ вновь поставило вопрос о правовом регулировании интеллектуальной деятельности, а именно о соотношении с общими нормами гражданского права» [51]. Например, статья

1233 ГК РФ воспроизводит норму п. 3 ст. 420 ГК РФ, касающуюся отчуждения исключительных прав.

Современные экономические требования обуславливают необходимость специального регулирования в сфере интеллектуальной собственности. При анализе и сравнении законодательства СССР и современных норм права можно заметить, что в сфере интеллектуальной деятельности преобладает принцип частной собственности. В настоящее время интеллектуальная деятельность рассматривается в рамках гражданского права как объект, обладающий материальной и духовной ценностью одновременно. Участники данной сферы осуществляют, изменяют и прекращают правовые отношения.

В процессе определения правовой природы интеллектуальной собственности возникают споры. С одной стороны, предлагается проприетарный подход, который приравнивает правовое регулирование использования нематериального объекта к регулированию материального объекта. С другой стороны, «интеллектуальная собственность» рассматривается учеными-правоведами как идеальное понятие, не являющееся материальным объектом, поскольку она представляет собой результат творческого процесса физического или юридического лица. Однако, стоит обратить внимание на то, что законодательство России и международные нормы становятся более унифицированными, наша страна не приняла общепринятую концепцию зарубежных стран, придерживаясь второго подхода.

В качестве источников правового регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности выступают также подзаконные акты. Стратегия научно-технологического развития РФ, которая была утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 года N 642, имеет целью обеспечить устойчивое развитие России в определенных областях научно-технологического развития. Она охватывает как традиционные, так и новые

рынки технологий, продуктов и услуг, и направлена на создание целостной национальной инновационной системы.

В различных странах современного мира существуют национальные программы перспективного технологического развития, которые определяют основные направления развития промышленности и технологий в процессе цифровизации. На этом этапе широко применяются новейшие и революционные технологические достижения. Среди них промышленный Интернет, «умные» интеллектуальные устройства, «облачные» технологии, аналитические массивы данных, мобильные технологии, социальные медиа и системы искусственного интеллекта, а также другие. Эти программы являются основой для дальнейшего технологического развития и способствуют прогрессу в различных сферах. Например, одно исследование показало, что национальные программы перспективного технологического развития способствуют увеличению инноваций и повышению конкурентоспособности страны. Другое исследование обнаружило, что эти программы способствуют развитию новых рынков и созданию рабочих мест. «К примеру, в ФРГ успешно реализуется платформа (программа) «INDUSTRIE 4.0», рассчитанная на период 2013-2025 гг. Аналогичные программы есть и в других европейских странах: «Smart Factory» (Нидерланды), «Usine du Futur» (Франция), «High Value Manufacturing Catapult» (Великобритания), «Fabbrica del Futuro» (Италия), «Made Different» (Бельгия). В КНР разработана и внедряется национальная программа «Made in China-2025». В США в 2014 г. крупнейшие компании страны («General Electric», AT&T, «Cisco», IBM, «Intel» и др.) создали Консорциум промышленного Интернета (Industrial Internet Consortium), который в итоге объединил более 170 крупных американских компаний для координации деятельности в сфере новейших технологий» [24].

«Специфику цифрового оборота интеллектуальных прав подчеркивает и принятие федерального закона от 1 июля 2017 г. № 156-ФЗ (так называемый закон «о зеркалах»), принятие которого обусловлено необходимостью противодействия способам обхода действующего закона о блокировке сайтов,

нарушающих авторские права в Интернете» [2]. Интернет-пользователи называют «зеркалом» копию сайта, которая настолько похожа на оригинал, что доходит до путаницы. Мосгорсуд ограничивает доступ к таким сайтам-зеркалам по запросу правообладателя в случае многократного нарушения авторских или смежных прав.

В связи с быстрым развитием современных общественных отношений правовая база пока не достигла необходимого уровня разработки. В настоящее время правовая защита сталкивается с трудностями в противодействии значительному числу нарушений в сфере интеллектуальной собственности в частности. «Думается, что либеральность санкций не препятствует вводу в оборот большого количества контрафактной продукции. Например, среди компьютерных программ доля так называемых «пиратских» версий может достигать до 95 %» [12].

В связи с вышесказанным, сложившаяся ситуация требует безотлагательных действий со стороны государственных органов. Необходимо обеспечить защиту интересов владельцев прав, их продвижение в сфере интеллектуальной собственности и закрытие пробелов в законодательстве, регулирующих данную сферу.

Подведем итог, в сфере интеллектуальной деятельности основными источниками правового регулирования являются Конституция РФ и Гражданский кодекс РФ. На сегодняшний день, Россия еще не достигла полного научного понимания роли государства в данной сфере из-за относительной молодости этого института. Однако, основы уже закладываются и закреплены в четвертой части Гражданского кодекса РФ.

Глава 2 Изменение концепции объектов гражданских прав в области интеллектуальной деятельности под воздействием цифровой экономики

2.1 Новые объекты гражданских прав в сфере интеллектуальной деятельности

Перечень объектов, закрепленных на данный момент в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ, является закрытым. Однако, утрачивая свою актуальность, отдельные РИД исключаются из данного перечня, а другие, напротив, получают правовую охрану. Данный процесс не остановился и развитие прав на интеллектуальную собственность продолжается. Возможно, в процессе развития технологий и с ростом актуальности цифровой экономики, число объектов, которые требуют правовую охрану, увеличится. В этой связи также появятся и новые принципы формирования перечня охраняемых объектов.

Современные ученые-правоведы и законодатели обращают внимание на присвоение статуса охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации новым объектам с большим коммерческим потенциалом. Такие объекты интеллектуальных прав могут появиться в различных областях.

В современной юридической литературе все больше исследований посвящено правовому регулированию цифровой экономики. Эта область развивается настолько быстро, что законодатели и исследователи не успевают анализировать все ее тенденции. Цифровые технологии полностью меняют общественные связи, отношения и институты. Они приводят к тектоническим сдвигам в экономике, политике и культуре, требуя учета этих процессов в сфере права.

С развитием экономических отношений, включая шеринг и платформенную экономики, значительные изменения претерпевает и

гражданское законодательство РФ. Теперь возникает вопрос о необходимости выделения цифровых объектов как отдельных объектов гражданских прав или о применении к ним режимов, аналогичных установленным для уже существующих объектов. С учетом этих изменений, в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации были внесены поправки, которые включили цифровые права в перечень объектов гражданских прав. Сейчас они рассматриваются как одна из разновидностей имущественных прав.

Согласно законодательному определению, цифровое право может быть признано имущественным лишь в том случае, если оно четко указано в законе и осуществляется в рамках информационной системы, соответствующей установленным законом критериям. Трактовка статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет рассматривать цифровые права как отдельный самостоятельный вид имущественных прав. Однако, они также определяются как обязательственные и иные права, зафиксированные в информационной системе. «В связи с этим обосновано мнение, что цифровизация прав – это не возникновение нового вида имущественных прав, существующего наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а лишь их цифровой способ фиксации. Отмечается также, что цифровое право можно рассматривать в качестве тождественного праву на объект, зарегистрированный в децентрализованном реестре, то есть фиксация прав в цифровой форме не порождает новый объект» [3].

В законодательстве существует разделение на два вида цифровых прав: утилитарные и инвестиционные. Утилитарные цифровые права определены в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно этому закону, утилитарные цифровые права включают следующие: «право требовать передачи вещей; право требовать передачи исключительных прав, прав

использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ, оказания услуг, если перечисленные права изначально возникли в качестве цифровых на основании договора, заключенного с использованием инвестиционной платформы» [3]. По своей сути, утилитарные цифровые права представляют из себя часть обязательных правовых отношений, а именно имущественных прав.

«В тоже время, ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет примерный перечень тех прав, которые могут рассматриваться как инвестиционные цифровые права:

- во-первых, это денежные требования;
- во-вторых, это права на эмиссию ценных бумаг;
- в-третьих, права участия в капитале не публичного акционерного общества;
- в-четвёртых, это право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг» [2].

Перечисленные инвестиционные цифровые права не являются платежными. По своей сути они из себя представляют особый вид цифровых прав, относящихся к сфере инвестиций.

Цифровые права, можно сказать, являются частью обязательственных и иных прав, сохраняющихся и регистрирующихся в информационной системе. Исходно в законопроекте указанного выше закона рассматривалось понятие цифрового права как альтернативы токену. Как отмечает Л. Ю. Василевская, ««объект в «цифре» существует в виде токена (Token), который рассматривается, с одной стороны, как цифровой код объекта, а с другой – как цифровой ключ, по которому системе удастся определить «владельца» токена» [8]. Также токен может быть заблокирован для недопущения действий неуполномоченных лиц.

Ученые-правоведы указывают на несколько способов классификации цифровых токенов. Существует несколько видов цифровых токенов:

цифровые ценные бумаги, утилитарные токены и расчетные токены. Криптовалюты относятся к последнему типу.

Цифровое право является сложным объектом, который трудно рассматривать в отрыве от ценных бумаг, обязательств и других прав. Однако согласно законодательству, цифровое право признается самостоятельным видом гражданских прав. Некоторые эксперты интерпретируют цифровое право как «права на права», что представляет собой необычную, но интересную концепцию для нашего правового порядка и позволяет рассматривать цифровые права как самостоятельные объекты.

Существует иная точка зрения, в соответствии с которой цифровые права не рассматриваются как отдельные объекты гражданских прав. Вместо этого они воспринимаются как цифровая форма фиксации уже существующих объектов права, таких как обязательства и других прав.

Цифровое право обладает двумя особенностями. Во-первых, оно обеспечивает анонимность участников системы. Во-вторых, оно отделяет право от носителя, какое бы то не было благо, нематериальное или материальное. Участники не совершают юридически значимых действий, поэтому цифровое право не является частью субъективного гражданского права. «Любое субъективное право – это те конкретные юридические возможности, которые возникают на основе и в пределах права объективного. В информационной системе все «действия» участника сведены к транзакции – цифровому запрограммированному алгоритму, выражающему согласие пользователя системы на совершение цифровой «сделки»» [8]. Это означает, что в данном случае можно говорить о цифровом волеизъявлении в форме блокчейн-действия участника информационной системы.

В условиях информатизации экономики важно обсудить роль цифровых прав в гражданском законодательстве. Цифровые права являются условным понятием, используемым для регулирования гражданского оборота. Они играют важную роль в сфере информационных технологий, которая становится все более значимой в современной экономике. Цель цифровых

прав заключается в обслуживании и регулировании отношений в этой новой экономической среде.

Для успешной цифровизации имущественных отношений необходимо создать объективное цифровое право в виде системы юридических норм. Разработка такой системы позволит установить четкие правила регулирования отношений, которые связаны с цифровыми правами. Это необходимо для обеспечения защиты интересов участников цифрового оборота и создания стабильной правовой основы для развития цифровой экономики.

Виртуальное имущество появилось сравнительно недавно, оказывая влияние на сферу интеллектуальной собственности. Перед тем, чтобы сформулировать понятие данного термина, необходимо определиться с его признаками.

«Выделим следующие основные признаки игрового имущества:

- игровое имущество непосредственно связано с массовыми многопользовательскими ролевыми онлайн-играми (англ: Massively multiplayer online roleplaying game) (далее – MMORPG или компьютерные игры);
- не может существовать вне зависимости от них;
- игровое имущество выступает нематериальным объектом, по поводу которого возникают отношения в компьютерной игре и взаимосвязанные с ними отношения» [15].

Основываясь на данных признаках, сформулируем понятие. «Виртуальное имущество — это объекты имущества, не имеющие материальной формы, которые существуют в цифровом пространстве. К ним относятся, например, электронные деньги, аватары, игровые предметы, программы, базы данных и многое другое. Они не могут быть осязаемыми или визуально воспринимаемыми, но они могут быть использованы и передаваемы через интернет» [34]. Как специфические объекты, такое имущество имеет свои особенности, отличающие его от традиционного имущества. Во-первых, оно может существовать в нескольких экземплярах одновременно, без потери

своей ценности. В отличие от материальных объектов, которые могут быть уничтожены или повреждены, виртуальное имущество может быть легко воспроизведено и скопировано.

Относительно квалификации виртуального имущества в российской научной доктрине сформировалось несколько позиций, однако наибольшую популярность имеет мнение, согласно которому на виртуальное имущество необходимо распространить режим объектов интеллектуальной собственности. «Аргументация сторонников данного подхода заключается в том, что такие объекты являются составными относительно отдельных элементов, подлежащих охране в рамках исключительных прав, при этом формирование рынка цифровых активов обеспечено исключительными правами на соответствующие объекты» [10].

При рассмотрении объектов интеллектуальной собственности возникает вопрос о возможности их страхования. «В случае же с имуществом в виртуальной сфере остается не понятным, какой именно объект необходимо подвергать страхованию: сам предмет, который был куплен, права на него или же аккаунт, который также можно отнести к виртуальному имуществу» [31].

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что виртуальное имущество обладает признаками как классического имущества, урегулированного нормами Гражданского кодекса, так и признаками интеллектуальной собственности. Виртуальное имущество можно создать, приобрести, обменять, продать, но, при этом, остается нерешенной проблемой то, что законодательством РФ не урегулированы права и обязанности участников оборота относительно подобного имущества.

Цифровизация оказывает влияние не только на экономические отношения, но и на гражданское законодательство. В связи с этим возникает необходимость определить правовой режим для цифровых активов, таких как большие данные, доменные имена, аккаунты и другие. Однако, установление такого режима представляет сложность, так как единое определение для больших данных еще не разработано.

«В научной доктрине предприняты попытки применения к Большим данным уже существующих правовых инструментов, в этом случае преимущественно говорят о полученных массивах информации как о базе данных или о сложных объектах, при этом большинство ученых сходится во мнении, что в целом Большие данные представляют собой информацию» [32]. Развитие цифровой экономики требует постоянного обновления правовых норм и регуляций. Правовая доктрина должна прогнозировать новые направления в развитии правовой системы и определить приоритеты правовой политики в сфере цифровой экономики.

Большие данные – это информация, которая объединяет множество точек зрения на их правовую природу. Однако, вместо того, чтобы сосредоточиться на доктринальной полемике, давайте рассмотрим их экономическую пользу.

Основная ценность Больших данных заключается в их систематизации и анализе, а не только в сборе огромного объема информации. Это позволяет прогнозировать ситуации и делать различные прогнозы. Для достижения этих результатов необходимо проводить постоянный анализ собранных данных при помощи специального инструментария.

Большие данные имеют ценность благодаря своим свойствам и возможности анализа. Изучение закономерностей и разработка решений на их основе являются ключевыми факторами. Примечательно, что созданные для одной цели Большие данные могут быть использованы и в других сферах. Например, данные, которые были собраны более 15 лет назад для анализа генетической неоднородности народонаселения, могут быть переиспользованы.

Также стоит отметить, что Большие данные используются в настоящее время странами ЕС для расчета таблиц тарифов на страхование. Эта новая инфраструктура, основанная на технологии Больших данных и облачных технологиях, позволяет классифицировать заявления и определять суммы страховых выплат.

При всем этом, Большие данные имеют широкий спектр применений и оказывают экономическую пользу в различных областях. Их анализ и систематизация позволяют делать прогнозы и принимать обоснованные решения. Кроме того, переиспользование Больших данных может привести к новым и неожиданным применениям в других областях.

В научной доктрине все чаще обсуждается признание Больших данных как нового «нетрадиционного объекта интеллектуальной собственности». Это поднимает вопрос о необходимости пересмотра системы объектов гражданских прав, включая интеллектуальную собственность.

Большие данные становятся все более значимым активом в свете быстрого развития технологий и повышенного интереса к ним. Однако, для обеспечения их правовой защиты и признания в контексте интеллектуальной собственности требуется пересмотр системы гражданских прав. Это может включать изменения в законодательстве и политике, а также разработку новых правовых норм и механизмов.

В современном обществе цифровизация приводит к созданию новых объектов гражданских прав. Один из таких примеров – доменное имя, которое «стало ценным активом для бизнеса, оно является объектом сделок и может входить в состав нематериальных активов предприятия» [25]. Однако, на данный момент доменные имена не имеют четкого правового регулирования в рамках Гражданского кодекса РФ.

Споры возникают относительно правовой природы и режима доменных имен, так как законодательство не предоставляет ясных указаний по этому вопросу. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» фокусируется только на технической стороне доменных имен, что не позволяет однозначно определить их правовую природу и характер возникающих прав.

Существует несколько доктринальных позиций относительно доменных имен. Одна из них заключается в том, что доменные имена обладают несколькими свойствами, каждое из которых позволяет отнести их к

определенному объекту гражданских прав. Однако, данная позиция игнорирует другие признаки и не дает однозначного ответа на вопрос о правовом статусе доменных имен.

В научной литературе проводились исследования, пытающиеся определить, являются ли доменные имена услугой или имуществом. Тем не менее, судебная практика в этом вопросе неоднозначна. Один из случаев, связанных с наследственным делом, стал предметом спора, где истец утверждал, что доменное имя является имуществом, а ответчик – услугой.

Согласно решению Мытищинского городского суда Московской области от 30 ноября 2011 года суд пришел к выводу, что «что само по себе доменное имя является лишь способом адресации в сети Интернет и никак не может быть признано имуществом или имущественным правом, подлежащим наследованию. Доменное имя не является в Российской Федерации объектом гражданских прав, оно также не является и не может являться объектом регулирования, согласно действующему законодательству, в связи с чем, не может быть включено в наследственную массу» [44].

Существует иной подход к решению данного вопроса. Согласно нему, регистратор доменного имени не предоставляет услугу, а просто записывает информацию в реестре. Мы считаем, что доменные имена являются виртуальными активами, которые не требуют материализации в реальном мире. При этом, они могут быть объектом сделок и учитываться в гражданском обороте. Такую точку зрения поддерживает и зарубежная судебная практика.

В современном мире все больше исследований посвящено правовому регулированию цифровых технологий, включая 3D-печать. Эта технология уже находит применение в различных сферах деятельности и может значительно изменить нашу жизнь и производственные процессы.

Одним из вызовов, связанных с 3D-печатью, является возможность несанкционированного копирования объектов. С появлением доступных 3D-принтеров, любой пользователь может сканировать готовые продукты,

создавать 3D-проекты и делиться ими в интернете. Это создает новые правовые проблемы, требующие четкого и эффективного правового регулирования.

«По мнению А. Гурко, в отношении 3D-принтеров может быть установлен любой правовой режим, действующий в части авторского, патентного прав и права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг, определение конкретного режима зависит от того, какой объект имитирует 3D-принтеров» [29]. В своих рассуждениях автор приходит к выводу, что 3D-моделям требуется новый механизм правовой охраны. Этот механизм должен сочетать возможности авторского права для пресечения незаконного распространения объектов в интернете и более гибкие сроки охраны, аналогичные тем, которые применяются в патентном праве.

При этом, в таком случае 3D-модели приобретут статус нетрадиционного объекта права интеллектуальной собственности, что указывает на необходимость разработки новых подходов к их правовому статусу. Это поможет создать эффективный и справедливый механизм защиты прав интеллектуальной собственности, который сочетает в себе лучшие элементы авторского и патентного права.

«Несмотря на кажущееся удобство и простоту решения проблемы путем распространения действия норм о каком-либо виде объектов интеллектуальных прав на трехмерные модели, такой способ решения проблемы не является универсальным и не способен в полной мере урегулировать общественные отношения по созданию и использованию цифровых 3D-моделей» [54]. Важно учесть, что каждый объект интеллектуальной собственности имеет свои особенности и требует индивидуального подхода к вопросам его защиты и регистрации.

Также необходимо учитывать, что процедуры регистрации прав на объекты интеллектуальной собственности могут различаться в зависимости от их типа и особенностей. В свете этих различий, важно провести тщательный анализ и исследование каждого конкретного объекта интеллектуальной

собственности, чтобы определить оптимальный подход к его защите и регистрации. Такой подход позволит максимально эффективно использовать правовые механизмы и гарантировать надлежащую защиту прав на интеллектуальную собственность.

Итак, решение обозначенных вопросов имеет важное значение, поскольку разные объекты интеллектуальных прав имеют свои особенности во временных периодах защиты, процедурах регистрации прав и критериях охраноспособности. Это требует индивидуального подхода и тщательного анализа каждого объекта для обеспечения эффективной защиты его прав на интеллектуальную собственность.

2.2 Трансформация права собственности на объекты гражданских прав в области интеллектуальной деятельности под воздействием цифровой экономики

Цифровая экономика, основанная на использовании информационных технологий и передаче данных через интернет, привела к новым вызовам и возможностям в области интеллектуальной собственности. В современном мире все больше людей создают, распространяют и потребляют интеллектуальные продукты и услуги через цифровые платформы. Это позволяет быстро и эффективно обмениваться информацией, но также создает новые проблемы в области права собственности на эти объекты.

При возникновении новых объектов гражданских прав необходимо использовать эффективные средства правового регулирования. Это представляет особые задачи для правоприменительной практики, такие как разработка методов решения различных вопросов и установление соответствующих норм, основываясь на текущих потребностях.

Также актуальным является вопрос понимания правовой сущности категорий владения, пользования и распоряжения в условиях цифровой экономики при обороте прав на объекты гражданских прав в области

интеллектуальной собственности. В связи с появлением, например, виртуальных вещей в цифровом пространстве, к таким новым объектам не всегда можно применить данные правомочия в их классическом понимании, в связи с чем, мы считаем, что данные понятия необходимо пересмотреть и приспособить к новым условиям.

Согласимся с мнением А.О. Иншаковой: «По мере глобализации рынка и развития электронного гражданского оборота становится очевидной проблема неурегулированности возникающих новых гражданско-правовых отношений, отсутствие защиты субъектов, участвующих в данных правоотношениях. Информационный агрегатор не только является особым субъектом права, но и играет важную роль в современном экономическом развитии страны» [21]. Ясно, что введение цифровых прав является значительным прогрессивным шагом. Они устанавливают порядок использования цифровых технологий, их оборота и определяют особенности взаимодействия между субъектами в гражданском обороте. Закрепление и правовое регулирование оборота цифровых прав на РИД повлияет в свою очередь не только на гражданско-правовую сферу, но затронет также, как минимум административное и уголовное законодательство. Следовательно, можно сделать вывод, что тот факт, что цифровые права входят в круг объектов гражданских прав, дает возможность более детально и конкретно изучить оборот прав и, соответственно, установить правовой режим для цифровых технологий.

Законодательство, действующее на данный момент не закрепляет конкретный перечень цифровых прав. Как отмечает И.М. Конобеевская: «вопрос о содержательном наполнении цифровых прав будет решаться в дальнейшем» [10]. В сложившейся ситуации наиболее уместным подходом будет использование гибкого подхода, который позволил бы адаптироваться к изменениям и нововведениям, с которыми сталкиваются цифровые технологии и их использование в целом.

В современном мире, вопросы, связанные с экономическими отношениями собственности, получают законодательное регулирование в рамках правовой системы, что способствует формированию института права собственности. Право собственности предоставляет определенные права и обязанности для конкретного лица в отношении как материальных, так и интеллектуальных активов.

Право собственности имеет как объективное, так и субъективное значение. Для начала выделим признаки субъективного права, выражающиеся в комплексе прав, принадлежащих собственнику и касающихся владения, пользования и распоряжения имуществом или интеллектуальными правами по своему усмотрению, что закреплено в ст. 209 ГК РФ. В качестве другого признака можно выделить то, что перечисленные правомочия возникают у собственника одновременно на основании юридических фактов, которые предусмотрены законом, что отличает право собственности от обладателей иных вещных прав. В свою очередь, право собственности в объективном значении представляет из себя правовые нормы, которые установлены законодателем и которые определяют рамки возможных действий лиц по присвоению, пользованию, владению и распоряжению всей совокупностью вещей.

Трансформация права собственности подразумевает под собой изменение правомочий. Право владения позволяет владельцу владеть определенным объектом собственности в сфере хозяйственной деятельности. Право пользования представляет собой закрепленную в законе возможность использования интеллектуального произведения для личных или производственных целей и извлечения из него полезных свойств. Право распоряжения способствует определению судьбы объекта путем совершения определенных юридических действий в отношении этого объекта.

Как правило, владелец вещи имеет право решать, что делать с объектом, который принадлежит ему, исходя из своих убеждений и желаний. Согласно статье 209 Гражданского кодекса РФ: «собственник вправе по своему

усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом» [16].

Владельцу предоставляется возможность защитить свою собственность от вмешательства третьих лиц. Самозащита является одним из способов защиты нарушенных прав. Важно, чтобы владелец предпринимал действия, которые не нанесут вреда здоровью людей и окружающей среде.

При этом заметим, что правомочия, связанные с исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, отличаются от традиционных прав собственности. Термин «интеллектуальная собственность» был раскритикован из-за отсутствия понятия владения, что является важным аспектом для собственника. В случае цифровых объектов, существующих только в виртуальном пространстве, возникает вопрос о применимости концепции владения. В рамках цифровой экономики происходит изменение понимания владения, где центральной идеей становится отношение собственника к принадлежащему ему имуществу, а не физическая овеществленность и фактическое обладание предметом. В связи с чем происходит изменение привычного понимания категории «владение», что является основной проблемой в данном случае.

Возникающее противоречие связано с различными толкованиями понятия владения. Существует узкое и широкое понимание этого понятия. Узкое понимание предполагает, что «под владением следует понимать законодательно закрепленную возможность фактического обладания вещью, имуществом и контроля над ним определенным лицом или лицами, в том числе собственниками добросовестно и законно» [6]. Однако, в цифровую эпоху мы должны говорить о широком понимании владения. Широкое

понимание включает не только физическое обладание, но и психологическое отношение человека к принадлежащему ему объекту. Это соответствует теоретическим взглядам, согласно которым владение является отношением господства.

Таким образом, возникающее противоречие связано с двумя разными толкованиями понятия владения: узким, основанным на физическом обладании объектом, и широким, включающим психологическое отношение к нему. Даже, если рассматривать владение в узком понимании, наличие виртуальных объектов всегда вызывает сомнения, потому что цифровая среда не имеет физической формы. Виртуальная реальность до сих пор остается неопределенной даже с точки зрения других научных областей. Современные исследования в области квантовой физики предполагают, что существует множество гипотез о структуре вселенной. Одна из таких гипотез касается возможного пересечения реальности и виртуальности. Это означает, что существует потенциал для дальнейших исследований и обсуждений в этой области.

Помимо этого, изменения происходят и в экономической значимости, так владение цифровыми объектами связано с их уникальными возможностями и потенциалом взаимодействия с другими пользователями на цифровых платформах, особенно в случае игровых активов. В отличие от материальных предметов, стоимость цифровых объектов более изменчива и зависит от множества факторов. Основной целью владения цифровым объектом остается извлечение выгод из самого факта наличия прав на этот объект.

Исходя из вышесказанного, концепция владения может быть рассмотрена независимо от физического проявления, включая использование соответствующей фикции. Понятие владения обсуждается и может иметь различные трактовки относительно господства и фактической власти. Эти факторы позволяют сделать предположения, описанные выше.

Осуществление и распоряжение цифровым правом следует рассматривать в различных областях права. В гражданском праве, осуществление права предполагает выполнение определенных действий, которые составляют содержание данных прав. В области вещного права активные действия означают осуществление правомочий собственника. К таким правомочиям относятся владение, пользование и распоряжение объектом права. В сфере обязательств осуществление права связано с возможностью требовать выполнения определенных действий от лица, которому была возложена соответствующая обязанность.

Однако, в цифровой среде осуществление и распоряжение правами происходят исключительно в информационных системах. Они представляют собой «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств» [40]. Они позволяют пользователям осуществлять различные действия в отношении цифровых прав, такие как доступ, использование и распоряжение ими. Важно отметить, что осуществление и распоряжение цифровыми правами требует соблюдения соответствующих правовых норм и мер безопасности, чтобы обеспечить защиту прав и интересов всех участников информационной системы.

При исследовании виртуальных объектов, таких как программный код, важно помнить, что этот код защищен правами интеллектуальной собственности согласно законодательству Российской Федерации, в частности п. 2 ч. 1 ст. 1225 ГК РФ. Означает это то, что права на интеллектуальную собственность напрямую связаны с владением «собственностью» виртуальных объектов, являющихся неотъемлемой частью программы, и могут использоваться в ее рамках.

При приобретении виртуального объекта в игре пользователь получает право владения, использования и ограниченного распоряжения частью кода согласно пункту 1 статьи 1233 Гражданского кодекса РФ. Следует отметить,

что здесь отсутствует материальный носитель, присутствует лишь код, создающийся в виртуальном пространстве.

Чтобы объяснить данную позицию, рассмотрим пример покупки предмета в сетевой игре «King of Avalon». Предположим, что пользователь приобрел меч в игре и теперь он находится в его инвентаре. Однако, помимо самого предмета, когда пользователь входит в свой аккаунт, он получает возможность использовать информацию в соответствии со своим правом на объект гражданского права, а именно право пользования объектом интеллектуальной собственности, согласно договору с владельцем. Таким образом, пользователь может полностью владеть и использовать меч в игре.

«Наличие права пользования подтверждает право игрока применить вещь внутри игры в рамках, предусмотренных для ее использования программным кодом. Например, использовать меч в битве. При этом содержание и условия осуществления данного права определяются по правилам, установленным правообладателем игры. Если правообладатель запретит использовать оружие, например, как щит, значит, и права у пользователя так сделать не будет. Или, если для использования дополнительных функций меча, его вначале необходимо улучшить, то несоблюдение данного условия влечет невозможность реализации права на использование его улучшений. Это связано с тем, что часть программного кода остается заблокированной для пользователя (исключения – взломанные версии игр)» [7]. Иными словами, создатель игры не предоставляет пользователю право требования полного доступа к мечу в связи с тем, что право на виртуальную вещь не является абсолютным.

Помимо этого, пользователь в рамках информационной системы имеет ограниченные правомочия на распоряжение виртуальной вещью. Для осуществления распоряжения необходимо продать вещь, то есть передать право доступа к части кода. Необходимо иметь в виду, что программный код виртуального объекта сохраняет свою структуру при его уничтожении или передаче. Этот код может быть использован только в соответствии с его

назначением благодаря встроенным алгоритмам, которые управляют виртуальным объектом.

В настоящее время суды в нашей стране часто отказывают в защите игровых аккаунтов от незаконного вмешательства, опираясь на ст. 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако не все согласны с позицией судов.

В судебной практике есть случай, связанный с отказом в удовлетворении иска о признании сделок по продаже виртуальных предметов недействительными и возврате уплаченных по ним денежных средств. Сделки были заключены между компанией «ООО «Иннова Системс» – оператором игрового процесса с пользователем MMORPG «Lineage 2» и «Rising Force Online». В данном случае суд указал на то, что «доводы заявителя о том, что на оспариваемые правоотношения не распространяется глава 58 ГК РФ в части организации игр и пари, а также что игра в сети Интернет основана на риске не могут в силу ст. 387 ГПК РФ служить основаниями к отмене оспариваемых постановлений суда» [42]. Однако, можно заметить, что виртуальные отношения, называемые «игрой», не подпадают под определение «игры или пари», установленное в части 2 статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации. Они также не похожи на договор купли-продажи, согласно которому одна сторона обязуется передать имущество другой стороне за определенную сумму. Следовательно, судебная защита в случае оспаривания услуг, которые были предоставлены в ходе игрового процесса, например, предоставление дополнительных возможностей для персонажа игрока, исключается.

При рассмотрении новых объектов гражданских прав в области интеллектуальной собственности, можно утверждать, что возникает смешение обязательственных прав и вещных. В качестве примера можно привести то, что доступ к игре предоставляется по обязательству, так как создатель игры должен обеспечить возможность доступа к ней. Однако, возможность владения, пользования и распоряжения этим правом ограничивается

правилами игры и цифровой средой. Такие правомочия на игру определяются правилами, установленными создателем игры и самой цифровой платформой. Из чего следует, что в области интеллектуальной собственности возникают ситуации, где обязательственные и вещные права переплетаются и взаимодействуют друг с другом.

Одной из актуальных проблем, о которой шла речь выше, является отсутствие конкретного перечня цифровых прав, что затрудняет понимание природы цифровых объектов. В Гражданском кодексе РФ указывается, что цифровыми правами считаются только те, которые явно предусмотрены законом, но на данный момент такого закона, который определял бы подобные права еще нет. В этой связи нам предоставляется возможность обозначения пробелов законодательства, и мы можем только предполагать и надеяться на то, что в этот список будут включены и права на виртуальные объекты, так как это является необходимым.

В настоящее время в условиях цифровой экономики лучшим способом защиты прав на новые объекты гражданских отношений в условиях цифровой экономики является признание их в качестве объектов цифрового пространства. Для защиты этих объектов применяются правила вещного права. Это означает, что цифровые объекты, такие как программный код или аккаунты, рассматриваются как вещи. И для их защиты применяются те же правила, что и к физическим вещам.

Вместе с тем, при обсуждении вопросов доступа к нематериальным объектам, важно обращаться к правилам обязательственного права. Например, нематериальные вещи, включая услуги и лицензии на программное обеспечение, подпадают под регулирование обязательственного права. В статье о цифровых правах особое внимание уделяется обязательственному цифровому праву, что делает его более уместным для рассмотрения. Обязательственное цифровое право определяет права и обязанности сторон в отношении цифровых объектов и услуг, связанных с ними.

Подведем итог, право собственности предоставляет владельцу юридически обеспеченную возможность осуществлять действия, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом в соответствии с законом и на основании его собственной воли, что закреплено в ст. 209 ГК РФ. «Правомочия собственника появляются в связи с появлением определенных юридических фактов, связанных в том числе с заключением сделки или договора. Закрепление в настоящее время цифровых прав позволяет в полной мере реализовывать правомочия собственника по отношению к цифровым технологиям, что является достаточно важным шагом в развитии гражданских правоотношений в данной сфере» [48]. Однако, учитывая относительную новизну цифровых прав, необходимы дальнейшие исследования и поиск эффективных путей развития.

Глава 3 Особенности оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике

3.1 Особенности и проблемы регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности и их носители в цифровую эпоху

Результаты интеллектуальной деятельности и их материальные носители – это два различных понятия, которые оказывают влияние на регулирование оборота прав. В процессе регулирования оборота учитываются как права на объекты интеллектуальной собственности, так и их материальные носители. Физическое введение в оборот результатов интеллектуальной деятельности не представляется возможным, так как по своей природе они нематериальны. Впрочем, РИД нередко приобретают материальное воплощение, которое позволяет нам говорить о их материализации или первичном материальном воплощении.

На данный момент принято разграничивать исключительные права и права на материальный объект в классическом их понимании. Однако, анализируя положения части IV Гражданского кодекса РФ, можно заметить, что присутствует определенное смешение данных понятий. К примеру, в ст. 1270 ГК РФ объединяются процессы обнародования произведения, введения в оборот материального носителя и создания нового объекта на основе существующего РИД.

Для начала необходимо отметить, что пространственное ограничение и свободное использование неограниченным количеством лиц результатов интеллектуальной деятельности не дает возможность применения к ним права владения. В этой связи не применимыми являются такие способы защиты, как владельческая и иные инструменты, связанные с ним. Правила использования материальных объектов также не подходят, и распределение прав осуществляется по-другому.

Этот способ передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности позволяет сохранить права у первоначального правообладателя и одновременно передать их другому лицу. Такая схема передачи прав, характерная для объектов интеллектуальной собственности в цифровой форме, может показаться не совсем корректной.

Результаты интеллектуальной деятельности не могут быть переданы физически из-за их нематериальной природы. Вместо этого, передаются права на эти объекты. Одновременно с этим, материальные объекты могут быть введены в оборот, что создает параллельный процесс его введения. Например, автор произведения передает права на свою книгу, а сама книга продается как самостоятельный объект оборота.

Что касается программ для ЭФМ, то, как справедливо отметила Е. Зверева: «договор о передаче прав на использование программы для ЭВМ и договор продажи экземпляров программы – это разные договоры. Экземпляр программы – это вещь, которая может выступать в качестве товара, сама же программа является идеальным объектом и товаром быть не может. Но, будучи объектом интеллектуальной собственности, она может порождать право пользования интеллектуальным продуктом, передаваемое владельцем пользователю. Распространенность ошибок, проистекающих из смешения этих двух типов договора, объясняется тем, что в гражданско-правовом обороте программа для ЭВМ неотделима от ее материального носителя, и нередко бывает трудно установить, переходит ли по договору право пользования программой для ЭВМ или право собственности на экземпляр программы для ЭВМ» [20].

В научной литературе оборот исключительных прав понимается как совокупность отношений, которые регулируют изменения или создают условия для осуществления изменения правообладателя, при этом, такие отношения должны быть закреплены в правовой форме через волевые действия первоначального обладателя, к примеру, путем заключения сделок. «При отчуждении или переходе как прав на результаты интеллектуальной

деятельности, так и материальных носителей, содержащих такие результаты, даже в случае использования термина «оборот» следует говорить о гражданском обороте, с той лишь разницей, что в одном случае его объектами будут выступать исключительные права, а в другом – вещные» [9].

Регулирование оборота результатов интеллектуальной деятельности осуществляется путем использования юридической конструкции оборота прав на эти результаты. Для обеспечения качественных особенностей РИД требуется создание специальных механизмов защиты и введение их в оборот. Для этой цели используются исключительные права. Личные права не обладают имущественным интересом и, следовательно, не могут быть включены в оборот.

Признание виртуальных объектов в качестве объектов оборота вызывает определенные трудности при определении исключительных прав и прав на «нематериальные носители» таких объектов. Это означает, что вопросы могут возникнуть относительно владения и использования виртуальных объектов, а также определения, какие права принадлежат владельцу, а какие – носителю этих объектов.

Например, когда вы покупаете программное обеспечение на физическом носителе, таком как флеш-накопитель, это является типичным примером. Флеш-накопитель в данном случае рассматривается как материальный носитель, представляющий собой объект вещных прав. В то же самое время объектом исключительного права является лишь само программное обеспечение. При этом остается непонятным каким образом проводится разграничение данных прав в случаях, когда получают, к примеру, код доступа на ПО без приобретения самого физического носителя.

Остается открытым вопрос о том, является ли получение доступа к облачным хранилищам, где хранятся виртуальные объекты, допустимым, если при этом не нарушаются исключительные права на них. Также возникает вопрос о том, какие права принадлежат владельцу облачного хранилища и какие права принадлежат владельцу виртуальных объектов, хранящихся в

этом хранилище. Этот вопрос требует дальнейшего изучения, разработки законодательства для обеспечения ясности и защиты прав всех сторон.

Интеллектуальная собственность участвует в обороте косвенно, в отличие от материальной собственности. Это происходит путем передачи исключительных прав, являющимися субъективными гражданскими правами. В эти права входит комплекс правомочий на собственные действия, требования и защиту.

Творческая составляющая и универсальный характер при разработке результата интеллектуально деятельности являются одними из причин того, что анализируемые права изначально появляются и принадлежат гражданину – физическому лицу, работающего над его созданием. В конечном итоге на данный объект накладываются личные неимущественные права. В имущественном значении исключительное право представляет из себя «субъективное гражданское право на имущество в виде охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, обремененных неимущественными и иными правами, и приравненных к ним средств индивидуализации» [14].

В соответствии с пунктом 4 статьи 129 Гражданского кодекса РФ «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (статья 1225) не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому» [16], что соответствует нематериальному характеру таких объектов и необходимости их объективного выражения.

Запрет на оборот результатов интеллектуальной деятельности связан с ограничением оборотоспособности данных объектов. Они имеют нематериальный характер и не могут быть измерены с помощью вещно-правовых категорий. Также, их характеристики включают неповторимость, что исключает их оборот. «В свою очередь, вещи изъятые из оборота включают различные объекты, по тем или иным причинам не отличающиеся возможностью участия в гражданском обороте. Так, различные объекты

государственной собственности могут не участвовать в обороте, в гражданском обороте могут не участвовать различные запрещенные для обращения объекты» [22].

Классическое понимание интеллектуальной собственности и оборота прав на РИД или их материальные носители может быть описано следующим образом:

- «исключительное имущественное право на объект интеллектуальной собственности следует понимать как триаду полномочий, в рамках которой объектом правомочий обладания и распоряжения являются исключительные имущественные права, а объектом правомочия использования – собственно сам объект интеллектуальной собственности» [45];
- фактическая физическая форма способствует возникновению права собственности на материальный носитель. Многие ученые-правоведы придерживаются данной точки зрения и аргументируют ее тем, что проводят аналогию с невозможностью распространения права собственности на бездокументарные ценные бумаги. Но, несмотря на возможность существования данной позиции, существуют различные ограничения при сравнении правовых режимов бумажных ценных бумаг и виртуальных объектов.

Исходя из вышесказанного, в настоящее время, в эпоху цифровых технологий, возникает новый подход к обороту прав на результаты интеллектуальной деятельности и их носители. Важно отметить, что форма РИД, будь то цифровая или материальная, никаким образом не влияет на суть исключительного права. С другой стороны, оборот таких объектов регулируется посредством процедур передачи исключительных прав. Учитывая эти обстоятельства, в ходе изучения права интеллектуальной собственности вещные права на материальные носители не следует включать в предмет исследования.

Одним из примеров использования описанного подхода является применение технологий виртуальной реальности для создания произведений искусства, которые не существуют на физическом носителе в классическом понимании. Однако, подобное использование виртуальной реальности не влияет значительно на правовой статус созданного объекта. К примеру, VR-картины, как и традиционные полотна, являются результатом интеллектуального труда, и автор сохраняет те же исключительные права. В этой связи, при создании произведений искусства с использованием виртуальной реальности, которые не существуют на физическом носителе, правовой статус исключительных прав остается неизменным.

Использование произведений в виртуальной среде часто не получает должного внимания: «когда пользователи Интернета пересылают друг другу какие-либо произведения без согласия правообладателя, и переадресация выходит за пределы семьи, такое использование произведения является незаконным» [13]. Автор также имеет право вносить изменения в свое произведение, если права на него не были переданы. Однако, если рассматривать вопрос передачи произведений, можно отметить, что классическое произведение искусства может быть взято напрокат, то есть арендовано, например, для показа в музее. В такой ситуации, собственник произведения, являющийся автором, имеет право забрать его после окончания срока аренды или даже раньше.

Использование изображения, которое содержится на полотне и представлено в галерее, регулируется ГК РФ, в частности, ст. 1227, в которой закреплено, что: «интеллектуальные права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации» [16].

Обычно, когда передается материальный носитель, предполагается, что объект будет сохранен в том же состоянии, в котором он был передан. Однако, при передаче исключительных прав возможно предусмотреть процесс

переработки произведения. Таким образом, передающая сторона может разрешить изменение или модификацию произведения в рамках передачи прав.

Расширение цифрового пространства вызывает вопросы о изменении структуры материальности. В этом контексте выделяется второй подход, суть которого заключается в том, что виртуальные объекты необходимо рассматривать в качестве квазиматериальных носителей. Но в таком случае возникает вопрос, можно ли к таким объектам применять вещно-правовые режимы или необходимо разработать новый правовой режим, который учел бы все их тонкости.

Представляется необходимым создание нового юридического механизма для защиты нарушенных прав, если брать во внимание концепцию новой материальности и права доступа. Если правообладатель цифрового объекта потерял доступ к нему, он может подать иск против лица, которое незаконно получило его, используя указанный выше механизм. Помимо компенсации за убытки, причиненные незаконным завладением объектом, правообладатель имеет право требовать восстановления утраченного доступа. Подобное требование, которое во многом основано на иске о vindикации, имеет много общего с ним.

Первое сходство, которое можно выделить – это то, что есть человек, который является владельцем объекта, но не имеет возможности использовать, владеть или распоряжаться им. Второе сходство заключается в том, что направлять иск необходимо к лицу, которое не имеет соответствующих прав на цифровой объект, но фактически обладает им. И, наконец, похожесть на vindикацию проявляется в том, что владелец выбывшего имущества не передавал его по договору или другому законному основанию, что нарушает его права и законные интересы.

С другой стороны, цифровые объекты обладают определенными физическими характеристиками, которые отличают их от материальных объектов. Виртуальные объекты не имеют материальной природы, что

позволяет нарушать права законного владельца с использованием различных механизмов. Примеры таких нарушений включают незаконную блокировку, параллельное использование, завладение, уничтожение, изменение и другие. Это создает проблему определения содержания требования, которое может быть предъявлено. Если смотреть на это с точки зрения экономики, то лицо, которое лишилось доступа к цифровому объекту, стремится к его восстановлению с сохранением коммерческой ценности. Указанные положения касаются не только информационного содержания, к примеру, содержимого аккаунта, но и других соответствующих характеристик, которые определяют его стоимость, например, количество подписчиков.

В процессе существования виртуальные объекты могут приобретать дополнительные характеристики, которые связаны с действиями третьих лиц. Некоторые из этих действий могут привести к изменению стоимости объектов.

Существуют более запутанные ситуации, на которые также требуется обратить внимание. Существовая, виртуальные объекты могут изменяться, приобретая дополнительные характеристики, на что влияют действия третьих лиц. В качестве примера можно привести социальные сети, когда происходит увеличение числа подписчиков или загрузка какого-либо контента. При этом, подобные действия могут влиять на стоимость цифровых объектов. То есть, изменение стоимости объекта может быть вызвано действиями лиц, не являющихся его владельцами. Также примерами может выступать активная реклама или публикации, а также предыдущие действия самого владельца. Еще одним примером может быть естественный рост числа пользователей или возможность загрузки внешних публикаций, что может повлиять на стоимость объекта.

При смене владельца объекта возникают определенные расходы, особенно если эта смена связана с коммерциализацией объекта. Для возмещения стоимости улучшений, которые сделаны новым владельцем, применяются правила, аналогичные тем, что используются при виндикации.

Новый владелец обязан компенсировать стоимость улучшений, осуществленных без согласия предыдущего владельца, за счет последнего.

Важно отметить, что отсутствие грамотного правового регулирования порождает возникновение определенных сомнений в применении указанных норм к виртуальным объектам. По нашему мнению, если улучшения были внесены без согласия неправомерного владельца, то они должны рассматриваться как часть изначального объекта и не могут служить основанием для возмещения их стоимости.

Отметим, что передача исключительных прав не равносильна передаче цифрового объекта, в таком случае цель состоит в передаче не самого РИД, а имущественных прав на него, посредством передачи цифрового объекта, выраженного в материальной форме.

Таким образом, проанализировав особенности и проблемы регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности и их носители в цифровую эпоху, считаем необходимым внести изменения в законодательство с целью обеспечения эффективного их оборота. Для этого предлагается расширить категорию цифровых прав и внести соответствующие уточнения. Также предлагается провести разделение оборота исключительных прав на РИД и прав на виртуальный объект, которые во многом имеют сходства в содержании с вещными правами на материальные носители. Также, на наш взгляд, следует обсудить возможность введения права доступа к цифровым правам и предоставления возможности подачи иска для восстановления фактического доступа к виртуальному объекту.

3.2 Особенности оформления сделок по переходу прав на объекты интеллектуальной деятельности с использованием цифровых средств

Во второй главе данной работы рассматриваются новые объекты гражданских прав в сфере интеллектуальной деятельности и трансформация права собственности на них. Исследователи-правоведы обсуждают не только

проблемы изменения правомочий на новые объекты гражданских прав в области интеллектуальной деятельности под воздействием цифровой экономики, но также отмечают иные проблемы общего характера, связанные с недостаточным вниманием к применению правовых методов обладателями прав на РИД.

Необходимость разработки механизмов подтверждения правообладателя является первоочередной задачей для государства. Уже сейчас внедрение новых инструментов для оформления и идентификации субъектов правоотношений, таких как смарт-контракты, ЭЦП, электронный оборот и другие новые системы, используется повсеместно. В связи с этим для успешной реализации государственных программ, которые направлены на стимулирование цифровой экономики, необходим комплексный подход в этой области.

В связи с отсутствием законодательного закрепления новых средств, способствующих развитию оборота прав на РИД, предлагается выделить особую категорию инфраструктурных объектов. К таким объектам можно отнести интернет-рекламу, онлайн-платформы и различные цифровые площадки. В настоящее время они функционируют на основе законодательства, применяемого по аналогии, или основываются на внутренних правилах информационных систем, так как в этой области нет специального регулирования.

Актуальной проблемой является недостаточность механизмов защиты нарушенных прав владельцев цифровых объектов. В таких случаях добросовестное лицо не может осуществлять права собственника из-за неправомерного выбытия объекта из-под его контроля. В данной области необходимо пересмотреть законодательство и создать инфраструктуры, которые включали бы различные механизмы защиты и регистрации цифровых объектов. Например, можно рассмотреть системы добровольной регистрации в едином реестре.

На данный момент вопросы нарушения оборота прав в сети Интернет не получают достаточного внимания. Одной из распространенных проблем стала публикация информации в коммерческих целях без разрешения правообладателя, что является нарушением их исключительных прав. Важно отметить, что наличие публикации правообладателя не дает автоматического разрешения на использование его интеллектуальной собственности. Скорее всего данные нарушения являются следствием низкой правовой грамотности пользователей сети «Интернет» и (или) игнорирование данных правовых норм.

При обсуждении изменения структуры объектов оборота следует обратить внимание на проблему недостаточной защиты прав авторов и других правообладателей. В данных ситуациях, в большинстве случаев, обладатель прав обращается к администратору системы, что не гарантирует защиту прав в полной мере. Используемые инструменты не всегда обеспечивают полное соблюдение интересов сторон, особенно, если это касается новых объектов цифровых прав.

Особенность цифровых отношений, в отличие от привычных нам правоотношений, заключается в широком использовании технических средств защиты. Наиболее распространенными средствами можно назвать системы автоматического определения правомерности контента «ContentID», которые информационные площадки активно пытаются создавать, или предложения данными платформами на использование механизмов депонирования авторских произведений. Создание единого реестра объектов интеллектуальной собственности кажется эффективным способом решения проблемы незаконного использования прав и дает законным правообладателям возможность защитить свои права. Однако требуется дальнейшее изучение отдельных проблемных аспектов.

В своем Постановлении Конституционный суд РФ отметил, что «государственная регистрация <...> обеспечивает устойчивость гражданского оборота в целом» [43]. При этом, данное Постановление содержит положения,

которые в некотором смысле противоречат друг другу. Несмотря на то, что информация в реестрах является достоверной, отсутствие зарегистрированного перехода прав не лишает стороны возможности передачи соответствующих прав в будущем. Из-за этого, полнота и достоверность данных в реестрах остаются под сомнением. Это может затруднить получение информации о правообладателе добросовестным приобретателем, поскольку реестр содержит сведения лишь о лице, которое было зарегистрировано последним.

Также исследователями обращают внимание на тот факт, что в указанном Постановлении Конституционным судом РФ применяется подход, который аналогичен подходу к реестрам прав на недвижимость. «Показательно, что в целях устранения существующих недостатков в регулировании порядка ведения реестра объектов исключительных прав КС РФ был вынужден опираться на подходы, сформированные применительно к реестру прав на недвижимое имущество как наиболее близкой правовой конструкции. Подобное решение нельзя назвать однозначно положительным или, наоборот, отрицательным. С одной стороны, порядок и условия ведения реестра прав на недвижимое имущество характеризуются относительно высокой степенью доктринальной разработанности, а судебная практика нашла способы разрешения наиболее распространенных и неоднозначных проблем. С другой стороны, порядок ведения реестра прав на недвижимое имущество формировался с учетом особенностей и объективной специфики отношений, связанных с оборотом недвижимого имущества. В таких отношениях происходит преломление самого разнообразного спектра частных и публичных интересов, зачастую носящих взаимоисключающий характер. Прямой перенос практики, сформировавшейся при ведении реестра прав на недвижимое имущество, на объекты исключительных прав, без учета особенностей последних, представляется крайне нежелательным» [38]. Однако, указанное сравнение не является полностью точным из-за особенностей исключительных прав на цифровые объекты. Помимо этого,

отметим, что изначально у реестров исключительных прав были другие функции, которые подтверждали существование объекта, а не только удостоверяли правообладателя.

Оформление таких реестров вызывает вопросы о возможности использования технологии блокчейн. В настоящее время все больше внимания уделяется этой технологии, особенно в контексте оборота прав на объекты интеллектуальной собственности в цифровом виде. «Блокчейн – это многофункциональная и многоуровневая информационная технология, предназначенная для надежного учета различных активов. Потенциально эта технология охватывает все без исключения сферы экономической деятельности и имеет множество областей применения» [30]. Одной из главных привлекательных особенностей блокчейна является его децентрализация. Информация сохраняется и обрабатывается не в одном центральном месте, а на множестве узлов. Это обеспечивает безопасность данных в случае нарушений работы в любом из элементов информационной системы.

Криптографические средства также играют важную роль в блокчейне. Они используются для обеспечения сохранности данных и защиты от несанкционированного изменения. Каждая транзакция в блокчейне защищена криптографическими методами, что обеспечивает надежную безопасность. Блокчейн обладает высокой оперативностью работы. Транзакции могут быть проведены быстро и эффективно, без необходимости долгих проверок и промежуточных этапов.

Система распределенного реестра обладает рядом преимуществ, которые делают ее интересной для использования в различных сферах. Так в качестве примера можно привести то, что данная система найдет применение в области банковского дела, страхования и предоставления финансовых услуг. Она также полезна для формирования реестров имущества, определения контрагентов и управления цифровым контентом. Помимо прочего, система

может быть эффективна в организации общественных мероприятий, например, в процессах голосования.

В контексте цифровой экономики при обороте прав, современные технологии, хотя и упрощают выполнение договорных условий в области интеллектуальной собственности, они не устраняют все проблемы. Важно заметить, что приобретения объекта от полномочных лиц представляет высокий риск. Еще одна проблема заключается в том, что в отношении движимого и недвижимого имущества добросовестные участники могут полагаться на факт владения или соответствующий реестр. Однако, когда речь идет об исключительных правах на интеллектуальную собственность, подобные правила отсутствуют. Существующие правила государственной регистрации ограничены определенными видами интеллектуальной деятельности, и регистрация является добровольной для некоторых объектов, таких как программы для ЭВМ. В настоящее время существующие реестры не гарантируют достоверность информации, содержащейся в них.

В связи с применением технологии блокчейн у людей сложилось ошибочное представление о безусловной достоверности такой информации. Исследователи, такие как Л.А. Новоселова, отмечают, что неправильно смешивать техническую и юридическую стороны относительно новых технологий: «техническая достоверность сведений сама по себе не придает и не может придавать им свойство юридической достоверности, прежде всего потому, что сохраняется проблема обеспечения достоверности сведений при внесении их в системы учета с использованием различных современных технологий (например, блокчейна), а также проблема корректировки таких сведений при изменении внешних условий» [38].

В контексте развития правовых режимов и цифровизации документооборота в цифровой экономике можно выделить несколько ключевых практических проблем. Одна из них связана с возникновением новых видов результатов интеллектуальной деятельности, которые условно называются «квазиобъектами» интеллектуальной собственности. Хотя эти

объекты обладают характеристиками интеллектуальной собственности, в законодательстве они пока не получили официальное признание и наименование.

Проблема исключения цифровых объектов из юридического оборота из-за их нематериальности является второй проблемой, требующей внимания. Такая практика не отвечает требованиям современности, поскольку игнорирует особенности цифровых объектов. Необходимо создать адаптированные юридические инструменты, которые будут учитывать виртуальный характер этих объектов, а также регулировать доступ к ним и предотвращать неправомерное использование. Одно из предлагаемых решений данной проблемы – это формирование новых видов гражданских прав и соответствующих правовых исков для их защиты.

Особое внимание следует уделить не только техническим, но и юридическим аспектам обеспечения безопасности новых методов коммерческой деятельности и заключения контрактов. В свете этих изменений требуется тщательный анализ и пересмотр элементов системы объектов интеллектуальной собственности, а также введение декларативных норм, которые обеспечат защиту прав добросовестных участников рынка.

В связи с вышесказанным, можно сказать, что нужно провести пересмотр и разработать новые правовые нормы для регулирования прав на новые объекты интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить адекватную защиту прав и интересов авторов и правообладателей, а также избежать возникновения новых проблем в данной области.

Для улучшения законодательства необходимо создать средства правовой защиты, которые обеспечат стабильность оборота. В предыдущих главах выпускной квалификационной работы уже были предложены некоторые концепции улучшения законодательства, включая определение правового статуса отдельных объектов, пересмотр правомочий пользования, владения и распоряжения, а также разработку системы средств защиты прав

владельцев цифровых объектов, в том числе механизмов восстановления утраченных доступов.

В свете изменения коммерческой ценности виртуальных и других цифровых объектов, необходимо включить их в список объектов гражданских прав. Это важно не только с практической точки зрения, но и потому, что возникает задача обеспечения способов подтверждения прав субъектов предпринимательской деятельности на подобные объекты. В связи с этим требуется создание системы реестров, которая позволит достоверно определить актуального правообладателя виртуальных объектов. Бездумный перенос правил из других сфер, например, таких как недвижимость, и применение аналогий с существующими нормами права не может быть применимо в данном случае, так как цифровые объекты имеют свои особенности, а исключительные права требуют особого внимания в целом.

Заключение

В данном исследовании сделана попытка описания значимых изменений, которые происходят в экономике при переходе в новую реальность. Трансформация экономики, на которую оказывает влияние повсеместная цифровизация и внедрение современных технологий, неизбежно отражается на правовом регулировании, поскольку право играет важную роль в упорядочении общественных отношений. Однако, в сложившихся условиях, перед законодателем ставится сложная задача, которая заключается в разработке новых правил взаимодействия как между участниками правоотношений, так и самого правового регулирования возникших отношений, учитывая условия цифровизации, и избегая излишней нормативности.

Учитывая новую цифровую реальность, современными исследователями и правоведами предлагается выделить новую отрасль виртуального/цифрового права, которую они рекомендуют использовать в качестве основы для разработки новых механизмов гражданского, административного и уголовного регулирования. Такие предложения не могут быть однозначно признаны прогрессивными, а требуют тщательного анализа, поскольку они могут значительно усложнить ситуацию.

Проведя исследование по теме выпускной квалификационной работы, мы пришли к следующему:

Возникновение объектов, которые существуют только в цифровых системах и не имеют материальной формы, приводит к возникновению новой категории объектов гражданских прав, которые не подпадают под традиционное регулирование вещных или обязательственных прав. Эти объекты представляют собой виртуальные активы, которые возникают и функционируют в рамках информационной системы согласно правилам, установлены ее администратором или владельцем. Правила определяют условия создания, функционирования и распоряжения этими объектами.

Термин «виртуальные объекты» может использоваться как обобщенное обозначение для различных видов таких объектов, включая VR-объекты, цифровые площадки и другие.

Большая часть цифровых объектов является объектами исключительных прав. При этом, природа их существования в виртуальной среде не является определяющим признаком, который делает подобные объекты объектом права интеллектуальной собственности. Понятие «цифровых прав», закрепленное в нормативно-правовых актах и используемое в правовой доктрине, не может быть рассмотрено как объект гражданского права в целом и как объект исключительных прав, в частности. Считаем, что данная категория должна быть охарактеризована по аналогии с бездокументарными ценными бумагами, то есть как форма закрепления обязательственных прав.

Новый вид субъективных гражданских прав, который был сформулирован и описан, представляет собой абсолютное право на цифровой доступ. Это право цифрового доступа является юридической конструкцией, который позволяет контролировать виртуальный объект. Владелец такого права имеет возможность войти в информационную систему, где существует этот объект, и свободно использовать его, изменять, распоряжаться им и т.д. У него есть полный контроль над этим объектом в любой момент времени.

Для обеспечения защиты виртуальных объектов необходимо разработать специальное правовое средство, а именно иск о восстановлении доступа к таким объектам. Суть этого иска заключается в требовании вернуть контроль над виртуальным объектом цифрового пространства. Представляется, что такой иск имеет большое значение в сфере предпринимательства, поскольку он является особым инструментом защиты прав предпринимателей. Путем удовлетворения требований иска возможно достичь следующих результатов: вернуть виртуальный объект законному владельцу, передать актуальные коды или прекратить доступ к объекту в случае отсутствия правовых оснований, а также другие последствия, рассмотренные в работе. Удовлетворение требования иска позволит

обеспечить законность дальнейшего использования объекта, гарантируя защиту прав сторон правоотношений.

Требуется создать систему учета РИД, чтобы защитить законные права и интересы участников оборота в предпринимательской сфере. Основное свойство этой системы должно заключаться в публичной достоверности, а также предоставление правовых возможностей для того, чтобы получить полную и достоверную информацию об объекте и его правообладателях. Данная система регистрации в цифровой сфере имеет цель побудить формирование прозрачной среды для предпринимательской деятельности, в связи с чем она должна исключительно лишь подтверждать права.

Нами сделаны следующие выводы, которые касаются правового регулирования оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике:

- отсутствует однозначный подход для определения объекта нового правового отношения, в связи с чем возникают проблемы определения, к каким объектам гражданского права относятся цифровые объекты оборота. Считаем, что целесообразно закрепить в законодательстве термин «виртуальные объекты», который может использоваться как обобщенное обозначение для различных видов объектов в цифровой среде, включая VR-объекты, цифровые площадки и другие;

- считаем, что в качестве объектов-носителей исключительных прав также могут выступать виртуальные объекты, несмотря на их нематериальность. К ним можно применить правовое регулирование аналогичное с объектами физического мира, из чего следует, что виртуальные объекты могут рассматриваться в качестве объектов-носителей исключительных прав, так один и тот же объект может использоваться в разных ситуациях, в зависимости от различных юридических отношений, в которых он участвует;

- правовые режимы, которые сейчас применяются к известным объектам ИС, не всегда подходят для регулирования новых объектов в условиях

цифровой экономики. Это создает практические проблемы при введении новых объектов в обращение и защите прав участников предпринимательской деятельности. Учитывая это, был разработан новый тип права, а именно, право доступа, которое регулирует отношения виртуальных объектов, их оборота, и обеспечивает защиту прав нарушенных участников;

- новый подход к виртуальным объектам предполагает создание юридических механизмов для защиты владельца, который лишился права доступа к соответствующему объекту. Таким механизмом может быть подача иска о восстановлении доступа к цифровому объекту, основанный на положениях о виндикации;

- в связи с тем, что понимание цифровых прав, которое существует на данном этапе развития цифровизации, в основном сводится к их восприятию как к форме закрепления имущественных прав, считаем, что в Федеральном законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» требуется скорректировать понятие цифровых прав, либо принять новый законодательный акт, который определял бы правовой режим, применимый к объектам виртуального мира;

- отсутствие единой системы регистрации прав на результаты интеллектуальной деятельности и недостаток актуальной информации о передаче прав ограничивают возможности проверки надежности контрагентов. Помимо этого, отсутствуют системы первичной проверки данных при использовании технологии распределенного реестра, что вводит стороны в заблуждение относительно достоверности информации в них и о невозможности несанкционированной фиксации изменений.

В связи с тем, что цифровая среда находится на ранней стадии развития, необходимо тщательно изучить соответствующие проблемы, порождаемые цифровизацией. Не стоит просто переносить правила из других областей, например, недвижимости, и применять аналогии для урегулирования возникших правоотношений, так как цифровые объекты имеют свои особенности, а их правовой статус требует особого внимания.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аминов Р.У., Юлбердин А.А. Произведения науки, литературы и искусства как объекты правовой охраны // StudNet. 2022. № 5. С. 4565–4571.
2. Афанасьева О. О. Понятие, виды цифровых объектов. Проблемы правового регулирования // ББК 72 Ф 97 Ф 97 Фундаментальные и прикладные научные исследования/Сборник трудов по материалам IX Международного конкурса научно-исследовательских. 2022. С. 84–93.
3. Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex Russica. 2021. № 7 (176). С. 32–43.
4. Бабелюк В. Д. Селекционное достижение как объект правовой охраны в Российской Федерации / В. Д. Бабелюк // Альманах лектория. Ноябрьские правовые чтения на Енисее: Сборник материалов региональных (межвузовских) научно-практических конференций, Красноярск, 14 октября – 18 2021 года / Редколлегия: Е.А. Ерахтина, С.М. Курбатова, А.Г. Русаков. Том Выпуск 3. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 3–5.
5. Баттахов П. П. Правовая охрана интеллектуальной собственности и защита интеллектуальных прав // Экономические исследования и разработки. 2020. № 1. 632 с.
6. Баширина Е. Н., Закарян А. Г., Фирсова Н. В. Владение в системе Российского гражданского законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №1–1 (76). С. 75–78.
7. Булах А. А. Виртуальная вещь как цифровое право / А. А. Булах // Эволюция российского права : Материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 28–29 апреля 2022 года / Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022. С. 413–422.

8. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. №5 (102). С. 111–119.

9. Виниченко Ю. В. О гражданском обороте исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. Проблемы российского права: сб. науч. тр. Под общ. ред. Е.Г. Бельковой. Иркутск, 2008. С. 50–59.

10. Ворожевич А. С. Исключительные права в цифровой сфере: объекты, границы, пределы осуществления (комментарий законодательства) // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019.

11. Воронцова С. В. Защита права на результаты интеллектуальной деятельности (Правовая защита коммерческой и интеллектуальной собственности) : учебное пособие / С. В. Воронцова, А. Т. Романова. Москва: РУТ (МИИТ), 2021. 224 с. Текст: электронный // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/269531> (дата обращения: 01.12.2023). Режим доступа: для авториз. пользователей. С. 18.

12. Гаврилов Э. П. Исключительные права на нематериальные объекты // Патенты и лицензии. 2020. № 3. 177 с.

13. Гайдук В. П. Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2020. №2. С. 72–84.

14. Галеева Р. Ф. Сущность исключительного права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. №4. С. 104–110.

15. Гаразовская Н. В. Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // E-Scio. 2020. №4 (43).

16. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 от 30 марта 1994 года N 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.03.2024) // [Электронный ресурс]. URL:

<https://base.garant.ru/10164072/b89690251be5277812a78962f6302560/> (дата обращения: 25.04.2024).

17. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 от 18 декабря 2006 года N 230-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 03.12.2023).

18. Джикаева Ф. З., Лолаева А.С. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности // Аграрное и земельное право. 2020. №9 (189). С. 14–18.

19. Елсукова, Е. И. Человек науки: реалии поиска истины: учебное пособие / Е. И. Елсукова, Л. Н. Медведев. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2023. ISBN 978-5-00102-626-0. Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/338414> (дата обращения: 14.12.2023). Режим доступа: для авториз. пользователей. С. 144.

20. Зверева Е. Имущественные и исключительные права на информационные продукты, их реализация и защита. Текст : электронный // СПС «Гарант» [сайт]. URL: www.base.garant.ru (дата обращения: 25.04.2024).

21. Иншакова А. О. Повсеместные вычисления и Интернет вещей: концепция цифровой модернизации и правовое регулирование (Рец. на кн.: Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT [Electronic resource] / ed. by E. G. Popkova. Cham : Springer Science + Business Media, 2019. (Studies in Computational Intelligence ; vol. 826)) // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 3. С. 154–166.

22. Иншакова А. О. Цифровые права как объекты гражданских прав / А. О. Иншакова, К. Ю. Радийчук // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 20. С. 555–560.

23. Карпычев М. В. Гражданское право. Особенная часть : учебник / М.В. Карпычев, О.Б. Сиземова, А.М. Хужин. Москва : Проспект, 2023. 848 с.

24. Карцхия А. А. Инновационные технологии в гражданском обороте исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (под ред. Е.Г. Афанасьевой) // РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; МГУ им. М.В. Ломоносова. Каф. предпринимательского права. 2017. С. 20–34.

25. Кожемякин Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: монография. М.: Проспект, 2019. 152 с.

26. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. Текст: электронный // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.01.2023).

27. Копылов А. Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в РФ. № 12 (219) 2019. С. 56– 61;

28. Котенева О. Е., Николаев А. С. Методы управления интеллектуальной собственностью.: учебно-методическое пособие / О.Е. Котенева, А.С. Николаев. – СПб.: Университет ИТМО, 2020. 108 с.

29. Кресс В. В. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. №1. С. 164–175.

30. Лановая Е. А. Правовое регулирование блокчейн // Вестник магистратуры. 2022. №10-3 (133). С. 56–58.

31. Левинзон В. С., Митин Р.К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. №5. С. 39–42.

32. Лисаченко А. В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 140–151.

33. Лосева, А. П. Программа для ЭВМ как объект интеллектуальной собственности / А. П. Лосева. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 18 (360). С. 423–426.

34. Лузгин, А. С. Виртуальное имущество: понятие и признаки / А. С. Лузгин. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2023. № 13 (460). С. 255–256.

35. Магомедова М. М. Право интеллектуальной собственности. Учебное пособие (курс лекций) для направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиля «Гражданское право». Махачкала: ДГУНХ. 2019. 125 с.

36. Моргунова Е. А. Исполнение как объект правовой охраны // Пермский юридический альманах. 2021. №4. С. 310–323.

37. Моргунова Е. А. Исключительное право в гражданском обороте : учебное пособие / Е. А. Моргунова, Н. М. Фролова. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. 496 с. ISBN 978-5-00156-170-5. Текст : электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1303015> (дата обращения: 08.05.2024). Режим доступа: по подписке.

38. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Правовые риски совершения сделок с объектами интеллектуальных прав на цифровых платформах // Закон. 2019. № 10. С. 90–99.

39. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 02.12.2023).

40. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ // Российская газета. 2006. №165. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.04.2024).

41. Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. №3 (90). С. 104–112.

42. Определение Московского городского суда от 10 марта 2011 г. по делу N 4г/1-1668 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/457501558> (дата обращения: 20.04.2024).

43. По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам : Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2018 № 28-П // Собрание законодательства РФ. 16.07.2018. № 29. Ст. 4528.

44. Решение Мытищинского городского суда Московской области от 30 ноября 2011 г. по делу № 2-4006/2011 // Официальный сайт Мытищинского городского суда Московской области. URL: <http://mitishy.mo.sudrf.ru/> (дата обращения: 27.04.2024);

45. Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: к вопросу об основных понятиях / М. А. Рожкова. – (Свободная трибуна). – Текст : непосредственный // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 11. С. 46–74.

46. Сосипатрова Н. Е. База данных как объект интеллектуальных прав: виды, критерии правовой охраны, режим использования / Н. Е. Сосипатрова // Законность и правопорядок. 2019. № 4(24). С. 51–55.

47. Табуев С. Л. Товарный знак как объект авторского права / С. Л. Табуев // Инновации. Наука. Образование. 2021. Т. 1. № 44. С. 285–290.

48. Тандилашвили Н. Г. Цифровые технологии в гражданском праве / Н. Г. Тандилашвили // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 июня 2020 года. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 109–111.

49. Тарасов А. Правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной деятельности в действующем законодательстве России / Артем Тарасов. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 22 (364). С. 402–404.

50. Трынченков Н. А. Актуальные проблемы соотношения секрета производства (ноу-хау) как объекта интеллектуальной собственности с коммерческой тайной / Н. А. Трынченков // Альманах научных работ молодых

ученых Университета ИТМО : Материалы Пятидесятой научной и учебно-методической конференции, Санкт-Петербург, 01–04 февраля 2021 года. Том 5. Часть 2. Санкт-Петербург: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», 2021. С. 235–239.

51. Черняк А. Я. Критерии охраноспособности коммерческого обозначения / А. Я. Черняк // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 614–620.

52. Чурилов А. Ю., Мостовщиков А. В. Проблемы правовой охраны топологии интегральных микросхем // Вестн. Том. гос. ун-та. 2023. № 490. С. 212–219.

53. Чурилов А. Ю. Проблемы охраны программ для ЭВМ / А. Ю. Чурилов. Текст: непосредственный // Вестник СГЮА. 2020. № 1. С. 94–101.

54. E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / А.А. Богустов, О.Н. Горохова, Д.А. Доротенко и др.; рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. 448 с.